

Одна в Париже

ДЖОДЖО МОЙЕС

Из книги
«Две встречи в Париже»

«Одна в Париже» – это рассказ о Нелл, скромной и любящей все просчитывать заранее. Однако она мечтает провести романтический уик-энд со своим другом в Париже, а потому по собственной инициативе организует такую поездку. Но ее друг не является на вокзал, и Нелл едет в Париж одна. Она решает доказать себе, что способна на авантюры. Во французской столице Нелл знакомится с загадочным мотоциклистом Фабианом и его бесшабашными друзьями...

Впервые на русском языке!

- [Джоджо Мойес](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
-

Джоджо Мойес

Одна в Париже

PARIS FOR ONE

Copyright © Jojo's Mojo Ltd, 2015

All rights reserved

This edition is published by arrangement

with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC.

© О. Александрова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»,
2016

Издательство Иностранка®

* * *

Нелл передвигает сумку на пластиковом сиденье вокзала и, наверное, в сотый раз смотрит на настенные часы. И тотчас же переводит взгляд на раздвигающиеся двери за контролем безопасности. Еще одна семья – оружие, упирающиеся детишки и невыспавшиеся родители. Явно собираются в Диснейленд, проходят в зал отправления.

Последние полчаса ее сердце тревожно колотится и от волнения противно сосет под ложечкой.

– Он придет. Он обязательно придет. Он обязательно сможет, – едва слышно бормочет она.

– Поезд номер 9051 на Париж отходит от второй платформы через десять минут. Пройдите на платформу, пожалуйста. Не забывайте ваш багаж.

Она нервно жует губу, затем отправляет ему новую эсэмэску, пятую по счету.

Ты где? Поезд уже отходит!

Она отправила ему две эсэмэски, когда вышла из дому, – проверить, что ничего не изменилось и они действительно встречаются на вокзале. Когда он не ответил, она объяснила это тем, что сейчас едет в метро. Или он едет в метро. Тогда она послала третью эсэмэску, затем – четвертую. И вот после пятой эсэмэски телефон у нее в руке начинает вибрировать.

Прости, детка. Застрял на работе. Никак не успеваю.

Словно они всего-навсего сговорились по-быстрому пропустить вечером по стаканчику. Она смотрит на экран и не может поверить своим глазам.

Не успеваешь на этот поезд? Мне подождать?

И через пару секунд получает ответ.

Нет, поезжай одна. Попробую успеть на более поздний поезд.

Она слишком потрясена, чтобы сердиться. Она стоит столбом посреди толпы торопливо натягивающих куртки людей и выстукивает ответ:

Но где мы встретимся?

Он не отвечает. *Застрял на работе.* Магазин экипировки для серфинга и дайвинга. На дворе ноябрь. Из-за каких неотложных дел, спрашивается, он мог застрять?

Она смотрит по сторонам, словно надеясь, что все это розыгрыш. Словно он прямо сейчас ворвется в зал ожидания и со своей обычной широкой улыбкой скажет, будто просто решил ее подразнить (он любит, и даже слишком, ее дразнить). А затем возьмет ее за руку, поцелует в щеку обветренными губами и скажет что-то вроде: «Надеюсь, ты не подумала, будто я могу такое пропустить, а? Твою первую поездку в Париж?»

Но стеклянные двери остаются закрытыми.

– Мадам? Вам надо пройти на платформу. – Кондуктор поезда «Евростар» тянется за ее билетом.

Она колеблется еще долю секунды – *придет не придет?* – и вот она уже в толпе,

ее чемоданчик катится за ней. Она останавливается и набирает:

Тогда жди меня в отеле.

Она спускается по эскалатору, а гигантский поезд тем временем с ревом подъезжает к платформе.

– Что значит, ты не едешь? Мы ведь еще сто лет назад это запланировали.

Ежегодная поездка их девичьей компании в Брайтон. Они – это Нелл, Магда, Триш и Сью – уже шесть лет каждый год отправляются туда в первый уик-энд ноября или набившись в старый внедорожник Сью, или на служебной машине Магды. Они исчезали, отрываясь от повседневности, на двое суток, в течение которых безудержно пили, зависали с парнями, приехавшими на мальчишник, мучились похмельем за завтраком в задрипанном отеле под названием «Брайтон лодж».

Их ежегодным поездкам не помешали появление двух малышек, один развод и даже опоясывающий лишай (тогда они ограничились тем, что устроили вечеринку в номере Магды). И не было такого случая, чтобы они кого-нибудь недосчитались.

– Ну, Пит предложил мне поехать в Париж.

– Пит везет тебя в Париж? – Магда вытаращилась на нее так, будто она заявила, что учит русский язык. – *Пит?*

– Говорит, ему не верится, что я там никогда не была.

– Я однажды ездила в Париж, со школьной группой. Я потерялась в Лувре, и кто-то спустил мою кроссовку в унитаз в молодежном хостеле, – сообщила Триш.

– А я обжималась с французским парнишкой, потому что он был похож на того чувака, что встречался с Холли Берри.

– Так это тот Пит, который *Пит-волосатик*? Твой Пит? Не в обиду будь сказано, но, по моему, он типа...

– Лузер, – услужливо подсказала Сью.

– Хрен моржовый.

– Засранец.

– Выходит, мы все трое ошиблись. Выходит, он крутыш, который берет Нелл на отвязные уик-энды в Париж. Что, конечно... ну, в общем, вы поняли. Здорово. Я только надеюсь, что тот уик-энд не совпадет с нашим уик-эндом.

– Ну, так как мы уже взяли билеты... было трудно... – махнув рукой, промямлила Нелл, в глубине души надеясь, что подруги не станут уточнять, кто именно брал билеты.

Это был единственный оставшийся до Рождества уик-энд, когда еще действовали скидки.

Она распланировала поездку так же тщательно, как организовывала свою бумажную работу в офисе. Обшарила весь Интернет в поисках лучших достопримечательностей, изучила TripAdvisor на предмет самых приличных бюджетных отелей, перепроверив каждый из них в «Гугле» и сведя результаты в таблицу.

Она остановилась на отеле возле улицы Риволи – «чистом, гостеприимном, очень романтичном», – забронировала номер на две ночи. Она уже представляла, как они с Питом будут лежать обнявшись на широкой кровати французского отеля и смотреть в окно на Эйфелеву башню, как будут держаться за руки, сидя за кофе и круассанами в уличном кафе. Она ориентировалась исключительно по картинкам, поскольку смутно представляла, что делают во время уик-эндов в Париже, если не считать самого очевидного.

За свои двадцать шесть лет Нелл Симмонс еще ни разу не ездила на уик-энд с бойфрендом,

кроме тех случаев, когда она занималась скалолазанием с Эндрю Динсмором. Они тогда спали в его «миникупере», и она просыпалась настолько продрогшей, что потом часов шесть не могла повернуть голову.

Мамаша Нелл обожала говорить всякому, кто был готов ее слушать, что Нелл не принадлежит к авантюрному типу. И что она не любительница путешествий, что она не та девушка, которая может рассчитывать на свою внешность, и, наконец, что она еще совсем неопытная девица.

В том-то и дело, что, когда растешь в маленьком городке, каждый встречный и поперечный считает, будто знает о тебе все. Нелл была особой чувствительной. И очень тихой. Словом, той, что не совершит необдуманных поступков, той, что можно доверить поливать цветы и присматривать за детьми, той, что наверняка не сбежит с чужим мужем.

Нет, мама, думала Нелл, распечатывая билеты и вкладывая их в папку с важной информацией, на самом деле я отношусь к тому типу девушек, которые едут в Париж на уик-энд.

И по мере приближения великого дня она стала все чаще упоминать его в разговорах.

– Надо проверить, не просрочен ли мой паспорт, – сказала она матери после воскресного ланча.

Нелл купила новое белье, побрила ноги, покрыла ногти на ногах ярко-красным лаком (обычно она пользовалась бесцветным).

– Не забудьте, что в пятницу я уйду пораньше, – сказала она на работе. – Уезжаю в Париж.

– Ох, какая же ты счастливая! – хором пропели девушки из расчетного отдела.

– Я тебе завидую, – сказала Триш, которой Пит тоже не нравился, но все-таки не так, как остальным.

Нелл садится в вагон и укладывает чемодан, невольно спрашивая себя, стала бы завидовать ей Триш, если бы видела ее прямо сейчас: девушку, место рядом с которой пусто и которая направляется в Париж, не имея ни малейшего понятия, объявится ее бойфренд или нет.

На вокзале в Париже всю кипит жизнь. Нелл выходит из ворот с платформы и столбенеет, оказавшись в гуще пихающихся и толкающихся людей. Она чувствует себя потерянной среди всех этих застекленных киосков и эскалаторов, похоже ведущих в никуда.

Из громкоговорителя звучит мелодичный сигнал из трех нот, а затем – непонятное объявление на французском. Пассажиры целеустремленно идут вперед, словно точно знают куда. Снаружи совсем темно, и Нелл начинает паниковать. *Я в незнакомом городе и даже не знаю языка.* А затем она видит табличку «Такси».

Очередь человек на пятьдесят, не меньше, но Нелл все равно. Она шарит в сумке в поисках распечатки бронирования отеля и, оказавшись наконец в начале очереди, вытаскивает ее.

– Отель «Бон виль», – говорит она. – Э-э-э... s'il vous plaît.

Водитель оборачивается, словно не может понять, чего она от него хочет.

– Отель «Бон виль», – повторяет она, пытаясь звучать по-французски. – «Бон виль».

Он смотрит непонимающими глазами и забирает у нее распечатку. Внимательно изучает.

– А! Отель «Бон виль», – произносит он, закатывая глаза.

Водитель отдает ей распечатку, и машина вливается в плотный поток транспорта. Нелл откидывается на спинку сиденья и облегченно вздыхает.

Добро пожаловать в Париж.

Поездка занимает двадцать долгих дорогостоящих минут. Движение перегруженное. Она смотрит в окно на оживленные улицы, на бесконечные салоны красоты, едва слышно повторяя французские названия на уличных указателях. Элегантные серые здания тянутся к небу, витрины кофеен уютно светятся в ночи. Париж, думает она, и у нее появляется предчувствие, что все будет хорошо. Пит приедет чуть позже. Она подождет его в отеле, и завтра они оба будут смеяться над тем, как она трусила путешествовать в одиночку. Он всегда говорил, что у нее слишком тревожная психика.

«Расслабься, детка», – непременно сказал бы он. Пит вообще никогда ни из-за чего не дергался. Он объездил весь мир. Когда его держали под дулом пистолета в Лаосе, говорил он, то чувствовал разве что легкую дрожь. «Не было смысла паниковать. Меня или пристрелили бы, или нет. Тут уж ничего не поделаешь», – сказал он и, кивнув, добавил: – Кончилось тем, что мы с теми солдатами пошли выпить пивка».

А еще как-то раз он плыл в Кении на маленьком пароме, и тот перевернулся. «Мы просто сняли автомобильные покрышки с бортов и держались, пока не подоспела помощь. Я даже особо не нервничал. Правда, потом мне сказали, что в реке водятся крокодилы».

Она иногда удивлялась, почему Пит, с его загорелым лицом и богатым жизненным опытом, выбрал именно ее. Она не была ни яркой, ни отвязной. Однажды он ей сказал, что она ему понравилась, так как вообще не напрягала его. «Другие девчонки только и делают, что жужжат тебе в ухо. – Он ущипнул себя за ухо. – А с тобой... расслабляешься».

Иногда Нелл казалось, что в его устах это звучит так, будто речь идет об удобном диване, но она предпочитала не задавать лишних вопросов.

Париж.

Она опускает стекло, вбирая в себя звуки шумных улиц, запах духов, кофе и сигаретного дыма. Все именно так, как она себе представляла. Дома высокие, с вытянутыми окнами и маленькими балкончиками – никаких тебе типовых офисных зданий. Практически на каждом углу – кафе с круглыми столиками и стульями прямо на тротуаре. И чем ближе к центру,

тем элегантнее выглядят женщины и тем чаще люди, встречая знакомых, обмениваются поцелуями.

Я действительно в Париже, думает она. И неожиданно даже радуется тому, что у нее есть парочка часов привести себя в порядок к приезду Пита. Впервые в жизни она решительно не желает быть наивной простушкой.

Я стану настоящей парижанкой, думает она, снова откидываясь на спинку сиденья.

Отель расположен на узкой улочке неподалеку от главной дороги. Она отсчитывает сумму в евро согласно показаниям счетчика, однако шофер, вместо того чтобы взять деньги, ведет себя так, будто она плюнула ему в душу, и показывает на ее чемодан в багажнике.

– Простите. Я вас не понимаю, – говорит она и после небольшой заминки сует ему еще десять евро.

Он берет деньги, качает головой, ставит чемодан на тротуар. Она провожает отъезжающую машину глазами, и ей кажется, будто ее ограбили.

Однако отель действительно смотрится весьма симпатично. Нет, она не станет ни из-за чего расстраиваться. Она входит внутрь и оказывается в узком холле. И сразу начинает гадать, что скажет Пит. «Неплохо, – кивнет он. – Очень даже неплохо, детка».

– Здравствуйте. – Она немного нервничает, потому что совсем плохо говорит по-французски. – У меня забронирован номер.

У нее за спиной появляется еще одна вновь прибывшая женщина. Пыхтя и отдуваясь, она шарит в сумке в поисках нужной бумажки.

– Ага. У меня тоже забронирован номер. – Она шлепает свою бумагу на стойку рядом с распечаткой Нелл. Та отодвигается, стараясь не обращать внимания, что на нее напирают сзади. – Уф! Это кошмар как я сюда добиралась. Кошмарный ужас! – Явно американка. – А движение просто адское.

Администраторша отеля – женщина лет сорока с короткими, стильно подстриженными черными волосами. Она поднимает глаза на новых гостей отеля и слегка хмурится:

– У вас обеих забронированы номера? – Она внимательно изучает распечатки, затем пододвигает каждую к ее владелице. – Но у меня остался только один номер. Отель переполнен.

– Это невозможно. Вы подтвердили бронирование. – Американка придвигает свою бумажку поближе к администраторше. – Я забронировала номер на прошлой неделе.

– Я тоже, – говорит Нелл. – Я забронировала номер две недели назад. Послушайте, у меня в распечатке все видно.

Они с американкой таращатся друг на друга, поскольку понимают, что стали конкурентками.

– Мне очень жаль. Ума не приложу, откуда у вас подтверждения бронирования. У нас только один номер. – Администраторша говорит это таким тоном, словно они сами виноваты.

– Ну, тогда вам придется найти нам еще один номер. Вы должны соблюдать обязательства. Вот смотрите. Тут черным по белому написано. Я свои права знаю.

Француженка приподнимает идеально выщипанные брови:

– Мадам. Я не могу дать вам того, чего у меня нет. У нас имеется только один номер с двумя кроватями рядом или с двуспальной кроватью, в зависимости от того, что вас больше устраивает. Я могу кому-то из вас вернуть деньги, но у меня при всем желании нет двух свободных номеров.

– Но я не могу переехать в другой отель. Я здесь кое с кем должна встретиться, – заявляет Нелл. – И он не будет знать, где меня искать.

– А я с места не сдвинусь. – Американка складывает руки на груди. – Я только что пролетела на самолете шесть тысяч миль, и мне надо идти на торжественный обед. У меня нет

времени подыскивать себе что-нибудь другое.

– Тогда вы можете поселиться в одном номере. Могу предложить каждой из вас пятидесятипроцентную скидку и попросить горничную организовать две отдельные кровати.

– В одном номере с посторонним человеком?! Вы, наверное, надо мной издеваетесь! – фыркает американка.

– Тогда советую вам поискать себе другой отель, – ледяным тоном парирует администраторша и отворачивается, чтобы ответить на телефонный звонок.

Нелл и американка сверлят друг друга глазами. Затем американка говорит:

– Я только что прилетела из Чикаго.

На что Нелл отвечает:

– А я никогда раньше не была в Париже. И понятия не имею, где искать другой отель.

Обе стоят как вкопанные, даже не думая двинуться с места. Наконец Нелл умоляюще говорит:

– Послушайте, по идее, я должна встретиться здесь со своим парнем. Давайте отнесем наши вещи в номер, а когда он появится, я попрошу его подыскать нам другой отель. Он знает Париж гораздо лучше меня.

Американка пристально осматривает Нелл с головы до ног, словно пытаясь понять, можно ли ей доверять.

– Я не собираюсь делить номер с вами двумя.

Нелл выдерживает ее взгляд.

– Хотите верьте, хотите нет, но я тоже несколько иначе представляла себе веселый уик-энд.

– Похоже, выбирать не приходится, – соглашается американка. – Нет, ну надо же было такому случиться!

Они сообщают администраторше о своей договоренности. После чего американка заявляет:

– Но когда эта дама уедет, я по-прежнему буду настаивать на пятидесятипроцентной скидке. Это просто стыд и позор! Там, откуда я приехала, вы с таким сервисом так дешево не отделались бы.

Чувствуя, с одной стороны, равнодушие француженки, а с другой – неприязнь американки, Нелл окончательно тушует. Еще никогда в жизни она не оказывалась в столь дурацкой ситуации. Она пытается представить, как на ее месте поступил бы Пит. Он наверняка рассмеялся бы, приняв это как должное. Способность смеяться над жизнью была одной из его черт, которая ее особенно привлекала. Очень хорошо, уговаривает она себя. Позже у них будет отличный повод для шуток.

Женщины берут ключ и поднимаются в тесном лифте на третий этаж. Нелл идет позади. Они оказываются в мансардном номере с двумя кроватями.

– Ох! – вздыхает американка. – Номер без ванны. Терпеть этого не могу. И такой крошечный!

Нелл ставит чемодан и посылает Питу эсэмэску, чтобы рассказать о проблеме и спросить, сможет ли он найти другой отель.

жду тебя здесь. Сообщи, успеешь ли ты к ужину. Я страшно голодная.

Уже восемь вечера.

Он не отвечает. А что, если он сейчас как раз в туннеле под Ла-Маншем? Если так, то ему осталось полтора часа пути. Она молча смотрит, как американка, тяжело дыша, открывает на кровати чемодан и вешает одежду на плечики, занимая весь шкаф.

– Вы здесь по делам? – спрашивает Нелл, когда тишина становится совершенно

невыносимой.

– Две встречи. Одна сегодня вечером, а затем – выходной. В этом месяце у меня вообще не было выходных. – Американка говорит таким тоном, будто в этом виновата Нелл. – А завтра мне надо быть на другом конце Парижа. Ладно. Мне уже пора идти. Хочешь не хочешь, но придется поверить, что вы не станете трогать мои вещи.

Нелл возмущенно смотрит на нее:

– Да не собираюсь я трогать ваши вещи!

– Ой, я вовсе не хотела вас обидеть. Просто я не привыкла делить номер с совершенно незнакомыми людьми. Когда приедет ваш парень, я бы попросила вас оставить свой ключ внизу.

Нелл старается не показывать злости.

– Я так и сделаю. – Она берет журнал, делая вид, будто читает, правда, только до тех пор, пока не видит боковым зрением, что американка выходит из номера.

Именно в этот момент начинает гудеть ее телефон. Нелл торопливо его хватается.

Прости, детка. Никак не получается приехать. Желаю хорошо повеселиться.

Фабьен, сидя на крыше, натягивает шерстяную шапку до самых бровей и закуривает очередную сигарету. Он всегда курил именно здесь, если имелась хоть какая-нибудь вероятность, что Сандрин неожиданно вернется. Она терпеть не могла запах табачного дыма и, когда он курил дома, морщила нос и говорила, что в его квартире-студии жутко воняет.

Выступ крыши с виду узкий, но вполне достаточный для того, чтобы здесь поместились высокий мужчина, кружка кофе и 332-страничная рукопись. Летом он иногда здесь кемарит или машет рукой подросткам-близнецам в доме через площадь. Они тоже выходят посидеть на плоскую крышу – послушать музыку и курнуть подальше от родительских глаз.

В центре Парижа полно таких мест. Тем, у кого нет садика или крошечного балкончика, приходится устраиваться кто как может.

Фабьен берет карандаш и начинает вычеркивать слова. Он уже шесть месяцев редактирует рукопись, и теперь рукописные строчки пестрят карандашной правкой. И сколько бы он ни читал свой роман, каждый раз вылезают новые огрехи.

Герои ходульные, голоса фальшивые. Его друг Филипп говорит, что ему надо сдвинуться с мертвой точки, напечатать рукопись и отдать агенту, который в этом заинтересован. Но всякий раз, как Фабьен смотрит на свою книгу, у него находится очередная причина, чтобы ее не показывать.

Она еще не готова.

Если верить Сандрин, он не желает отдавать книгу, потому что, пока он этого не сделал, у него остается возможность убедить себя, будто есть хоть какая-то надежда. Впрочем, это еще цветочки на фоне тех гадостей, что говорила ему Сандрин.

Фабьен смотрит на часы. У него остался только час до начала смены. А затем слышит, как звонит мобильник. Черт! Мобильник в квартире. Он отчаянно костерит себя за то, что перед выходом на крышу забыл сунуть телефон в карман. Потом ставит кружку на ворох страниц, чтобы не разлетелись, и поворачивается, собираясь вернуться через окно.

Впоследствии сколько он ни пытался, но так и не смог точно восстановить ход событий. Его правая нога скользит по доске, по которой он обычно забирается в квартиру, и весь упор приходится на левую ногу, именно так он пытается удержаться. И вот эта-то злополучная нога – его здоровенная, неуклюжая лапа, как любила выражаться Сандрин, – сбрасывает кружку и рукопись с выступа. Фабьен поворачивается и видит, как кружка летит вниз и разбивается о булыжную мостовую, а все 332 белые странички улетают в сумрачные небеса.

И он смотрит, как, подхваченные ветром, страницы эти, словно белые голуби, парят над парижскими улицами.

Нелл уже почти час лежит на кровати, не в состоянии выработать план действий. Пит не едет в Париж. Определенно не едет. То есть она приехала в столицу Франции, с новым бельем и красным лаком на ногах, а Пит ее просто-напросто кинул.

Первые десять минут она тупо смотрела на эсэмэску, с этим его жизнерадостным «желаю хорошо повеселиться», и ждала продолжения. Но нет, он действительно не собирался ехать.

Она лежит на кровати с телефоном в руке и глядит в стенку. Она понимает, что в глубине души всегда знала, что рано или поздно это должно было случиться. Она всматривается в экран, зажигает и гасит его, желая убедиться, что это не дурной сон.

Но она знает. И должно быть, знала еще накануне вечером, когда он перестал отвечать на ее звонки. А возможно, еще на прошлой неделе, когда на все ее предложения, как провести время в Париже, он отвечал: «Угу, типа того» или «Ну я не знаю».

И дело было даже не в том, что Пит оказался не самым надежным бойфрендом – он частенько исчезал, не ставя ее в известность, куда собирается. И если уж быть до конца откровенной, в Париж он ее не приглашал.

Они как-то говорили о местах, которые повидали, и она призналась, что никогда не бывала в Париже, а он в ответ лишь невнятно сказал: «Да неужели? О, Париж потрясающий. Тебе бы понравилось».

Это, наверное, был первый по-настоящему импульсивный поступок в ее жизни. Два дня спустя она уже изучала сайты, и ей удалось найти специальное предложение «Евростар». Ее палец завис над словом «заказать» на экране компьютера, и, даже не успев толком сообразить, что к чему, она заказала два билета туда и обратно. Она вручила ему билеты, зардевшись от смущения и отчасти от удовольствия, буквально на следующий вечер, когда они пришли к нему домой.

– Что ты сделала? – Он был под приличным градусом, вспомнила она уже сейчас, и удивленно моргал, словно не веря своим глазам. – Ты купила мне билет в Париж?

– Нам, – уточнила она, когда он принялся расстегивать пуговицы на ее платье. – Уик-энд в Париже. Я подумала, что это будет... весело.

– Ты купила мне билет в Париж! – Он тряхнул головой, волосы упали ему на лицо, закрыв один глаз. А затем сказал: – Конечно, детка. Почему бы и нет? Чудненько.

Она не помнит, добавил ли он что-то еще, так как они сразу рухнули на кровать.

А теперь ей придется ехать обратно на вокзал, потом – в Англию и говорить Магде, Триш и Сью, что они были правы. Что Пит именно тот, кем они его считали. Что она была дурой и выкинула деньги на ветер. Зазря испортила их традиционную поездку в Брайтон.

Она крепко зажмуривает глаза, чтобы не заплакать, и принимает сидячее положение. Смотрит на свой чемодан. Прикидывает, как найти такси и можно ли поменять билет. А вдруг она приедет на вокзал, а ее откажут посадить на поезд? А что, если попросить администраторшу там, внизу, позвонить в «Евростар»? Но Нелл пугает ее ледяной взгляд. В общем, Нелл не знает, что делать.

Ее телефон снова гудит. Она судорожно хватается его, чувствуя, как сильно бьется сердце. Он все-таки приезжает! Все будет хорошо! Но это от Магды.

Развлекаешься, развратная кобыла?

Нелл растерянно моргает, ее вдруг одолевает невыносимая тоска по дому. Ей хочется сейчас

быть там, в номере Магды, где на раковине стоит пластиковый стаканчик дешевой шипучки, а они борются за место перед зеркалом, чтобы сделать боевую раскраску. Сейчас они наверняка готовятся, из чемоданов на ковер вываливаются новые шмотки, музыка всюду орет, вызывая нарекания соседей.

И она вдруг чувствует себя невероятно одинокой.

Все здорово, спасибо. Развлекаюсь!

Она медленно набирает сообщение и нажимает на кнопку «отправить», прислушиваясь к едва уловимому свисту, свидетельствующему о том, что ее послание пересекло Ла-Манш. А затем отключает телефон, чтобы не пришлось больше лгать.

Нелл изучает расписание «Евростар», достает из сумки записную книжку и пишет все имеющиеся у нее варианты. Сейчас без четверти девять. Даже если она успеет вернуться на вокзал, ей вряд ли удастся сесть на поезд, который прибудет в Лондон не слишком поздно, чтобы она смогла добраться домой. Нет, придется остаться здесь на ночь.

В безжалостном свете бра над зеркалом в ванной комнате она выглядит уставшей и измученной. Именно так, как должна выглядеть девушка, проделавшая весь длинный путь до Парижа лишь для того, чтобы оказаться брошенной своим парнем. Она кладет руки на раковину, горестно вздыхает и пытается собраться с мыслями.

В первую очередь надо поесть, потом немного поспать, и тогда ей сразу полегчает. А завтра на утреннем поезде она вернется домой. Это, конечно, совсем не то, о чем она мечтала, но хоть какой-то план, а Нелл всегда чувствовала себя лучше, когда у нее был план.

Она запирает дверь в номер и спускается вниз. Причем старается держаться спокойно и уверенно, совсем как женщина, которой не привыкать быть одной в незнакомом городе.

– Не могли бы вы подсказать мне какое-нибудь уютное местечко, где можно было бы перекусить? – спрашивает она администраторшу.

Администраторша поднимает на нее глаза:

– Вам нужен ресторан?

– Или кафе. Что угодно. Куда можно дойти пешком. Ой, и... э-э-э... если вернется та американская дама, не могли бы вы ей сказать, что я остаюсь на ночь?

Француженка приподнимает брови, и Нелл сразу представляет, как та думает: «Значит, твой бойфренд так и не объявился, серенькая английская мышка? Ничего удивительного».

– Тут есть кафе «Бастид», – говорит она, протягивая Нелл маленькую туристическую карту. – Как выйдете, повернете направо, кафе через две улицы отсюда, по левой стороне. Там очень мило. И можно спокойно... – она делает паузу, – поесть в одиночестве.

– Благодарю. – Нелл, пунцовая от смущения, хватая карту, кладет в сумку и быстрым шагом покидает отель.

Кафе переполнено, но Нелл удается найти столик и стул в углу возле запотевшего от духоты окна. Все люди вокруг болтают по-французски. Она чувствует себя неуютно, словно у нее на груди табличка, которая гласит: «ПОЖАЛЕЙТЕ МЕНЯ. МНЕ НЕ С КЕМ ПОУЖИНАТЬ». Она смотрит на доску с меню, мысленно проговаривая слова несколько раз, прежде чем произнести их вслух.

– Bonsoir. – Официант, с бритой головой, в длинном белом переднике, ставит перед ней кувшин с водой. – Qu'est ce...

– Je voudrais le steak frites s'il vous plaît, – поспешно говорит Нелл. Заказанное ею блюдо –

бифштекс с картофелем фри – очень дорогое, но это единственное название, которое она может произнести, не чувствуя себя идиоткой.

Официант коротко кивает и рассеянно оглядывается, словно его что-то отвлекло.

– Бифштекс? А что мадмуазель будет пить? – спрашивает он на безупречном английском. – Немного вина?

Она собиралась заказать кока-колу. Однако едва слышно произносит:

– Да.

– Вон, – говорит официант.

Через минуту он приносит корзиночку с хлебом и кувшинчик вина и ставит перед ней так, словно это совершенно нормально, что женщина в пятницу вечером ужинает в гордом одиночестве.

Нелл, пожалуй, не может припомнить, чтобы она когда-либо встречала одинокую женщину в ресторане, если, конечно, не считать того раза, когда ездила за покупками в Корби и действительно видела в кафе возле дамской комнаты какую-то женщину с книгой в руках, которая вместо основного блюда заказала два десерта. Там, где живет Нелл, девушки идут ужинать целой компанией и едят в основном карри, но прежде целый вечер пьют. Дамы постарше ходят одни поиграть в бинго или на семейное торжество. Но женщины никогда не ужинают одни в ресторане.

Она кладет в рот кусочек хрустящего французского хлеба и, оглядевшись по сторонам, обнаруживает, что тут есть одиночки и кроме нее. За столиком с другой стороны окна сидит какая-то женщина, перед ней кувшин с красным вином; лениво покуривая, она смотрит на проходящих мимо парижан. В углу одинокий мужчина читает газету и одновременно набивает рот чем-то, что лежит у него на тарелке. Еще одна женщина, длинные волосы, явная нехватка зубов, высокий воротник-стойка, болтает с официантом. И никто не обращает на них никакого внимания. Нелл чуть-чуть расслабляется и развязывает шарф.

Вино хорошее. Она делает глоток и чувствует, как напряжение трудного дня начинает понемногу исчезать. Тогда она делает еще один глоток. А вот и бифштекс – дымящийся, с поджаристой коричневой корочкой. Но когда она его разрезает, оказывается, что мясо с кровью. Она подумывает о том, чтобы отослать бифштекс назад, но ей неохота поднимать шум, тем более с ее знанием французского.

Да и вообще, на вкус очень даже неплохо. Картофель – хрустящий, золотистый, горячий, а зеленый салат – просто восхитительный. Она съедает все до последней крошки, удивляясь своему аппетиту. Подошедший к ней официант улыбается при виде ее довольной физиономии:

– Ну как, вкусно?

– Изумительно! – отвечает она. – Спасибо... хм... merci.

Он кивает и доликает ей бокал. Она тянется за бокалом, каким-то образом умудряясь опрокинуть красное вино на белый передник и туфли официанта, на которых тут же начинают расплываться багровые пятна.

– Ой, ради бога, простите! – Она в ужасе прикрывает руками рот.

Он устало вздыхает и вытирает вино.

– Бывает. Пустяки. – Он награждает ее рассеянной улыбкой и исчезает.

С пылающим лицом Нелл достает из сумки записную книжку, чтобы хоть чем-то заняться. Поспешно перелистывает страницы со списком парижских достопримечательностей и сидит, уставившись на белую бумагу до тех пор, пока не убеждается, что на нее никто не смотрит.

Живи секундой, пишет она на чистой странице и дважды подчеркивает написанное. Когда-то она видела такое в журнале. *И старайся ничего не разливать*.

Она смотрит на часы. Без четверти десять. Еще примерно 39 600 секунд – и она сможет

сесть в поезд, постаравшись навсегда забыть об этом уик-энде.

Когда Нелл возвращается в отель, за стойкой все та же администраторша. Ну конечно, а как же иначе. Она кладет перед Нелл ключ от номера.

– Другая дама еще не пришла, – говорит она, произнося слово «другая» как «дгугая». – Если она вернется до конца моей смены, я передам ей, что вы в номере.

Нелл бормочет невнятное «спасибо» и поднимается наверх.

Она включает воду и встает по душ, стараясь смыть с себя разочарования сегодняшнего дня. В половине одиннадцатого она ложится в постель и берет с прикроватного столика какой-то французский журнал. Слов она не понимает, но она не захватила с собой книги. Поскольку отнюдь не рассчитывала проводить время за чтением.

Наконец в одиннадцать она гасит свет и лежит в темноте, прислушиваясь к рычанию мчащихся по узеньким улочкам мопедов и к беспечной болтовне счастливых французов, возвращающихся домой. Она чувствует себя чужой на этом празднике жизни.

На глаза наворачиваются слезы, и ей ужасно хочется позвонить девчонкам и рассказать им о том, что случилось. Но она пока не готова выслушивать слова сочувствия. Она не позволяет себе думать о Пите и о том, что ее продинамили. И старается не представлять себе мамино лицо, когда та узнает правду о романтическом уик-энде в Париже.

А затем дверь открывается. И загорается свет.

– Поверить не могу. – Посреди номера стоит американка, лицо покраснелось от алкоголя, на плечи накинут большой фиолетовый шарф. – Я надеялась, что вы уедете.

– Я тоже, – отвечает Нелл, натягивая одеяло на голову. – Потушите, пожалуйста, свет, если вас, конечно, не затруднит.

– Меня никто не предупредил, что вы все еще здесь.

– И тем не менее это так.

Нелл слышит, как на стол плюхается сумка, как дребезжат вешалки в шкафу.

– Мне как-то некомфортно ночевать в одном номере вместе с посторонним человеком.

– Уж можете мне поверить, если бы у меня был выбор, я тоже никогда не стала бы ночевать вместе с вами.

Нелл лежит, накрывшись с головой, а женщина тем временем продолжает суесться и непрерывно хлопает дверью ванной. Через тонкую стенку Нелл слышит, как та чистит зубы, полощет рот, спускает воду в унитазе. И пытается представить, что она, Нелл, находится совсем в другом месте. Быть может, в Брайтоне, с одной из подруг, и прямо сейчас, пьяно пошатываясь, ложится в постель.

– Должна вам сказать, что я страшно недовольна, – говорит американка.

– Тогда отправляйтесь спать в другое место, – парирует Нелл. – Потому что у меня не меньше прав на этот номер, чем у вас. А может, и больше, если сравнить даты бронирования.

– Не вижу причин, чтобы так раздражаться, – обижается американка.

– Ну а я не вижу причин, чтобы заставлять меня чувствовать себя еще хуже, чем есть, черт побери!

– Милочка, я не виновата, что ваш дружок не приехал.

– А я не виновата, что в отеле нам зарезервировали один номер на двоих.

В комнате повисает напряженная тишина. Нелл втайне надеется, что американка скажет что-нибудь более дружелюбное. Глупо воевать между собой в столь тесном пространстве, тем более двум женщинам. Ведь мы в одной лодке, думает Нелл. И пытается найти хоть какие-то слова примирения.

И тут громкий голос американки разрезает темноту:

– К вашему сведению, я положила все ценные вещи в сейф. И я обучалась приемам самообороны.

– А меня зовут королева Елизавета Вторая, – бормочет Нелл.

Она возводит глаза к небесам и ждет, когда щелчок выключателя подскажет ей, что соседка наконец погасила свет.

Несмотря на усталость и подавленное состояние духа, Нелл не может уснуть. Она пытается расслабиться и навести порядок в голове, но около полуночи внутренний голос ей говорит: *Нет. Спокойный сон – это не про вас, девушка.*

Ее мозг безостановочно работает, напоминая стиральную машину, извлекающую черные мысли на поверхность, совсем как грязное белье. Может, она проявила излишнюю горячность? Может, ей не хватило хладнокровия? Может, дело в слишком длинном списке парижских музеев, со всеми «за» и «против» (продолжительность их пребывания в Париже по отношению ко времени стояния в очередях)?

Может, она слишком надоедливая и поэтому ни один нормальный мужчина не сможет ее полюбить?

А ночь все тянется и тянется. Нелл лежит в темноте, пытаясь не обращать внимания на доносящийся с соседней кровати зычный храп. Она потягивается, зеваает, ворочается с боку на бок. Пытается глубоко дышать, полностью расслаблять тело, представлять, будто запирает черные мысли в ящик и выбрасывает ключ.

Свет фонарей отражается от поверхности крыш. Мелкий дождик неслышно капает на тротуар. Какая-то парочка медленно идет в обнимку домой, о чем-то тихонько переговариваясь.

А ведь как все было хорошо задумано! – горестно размышляет Нелл.

Соседка храпит все громче. Издает такие звуки, будто ее душат. Нелл нашаривает в чемодане беруши (она специально купила две пары, на всякий случай) и залезает обратно в постель. Я буду дома уже через восемь часов, думает она, и на этой успокоительной ноте наконец погружается в сон.

Фабьен сидит в кафе возле раздаточного окна, смотрит, как Эмиль отдраивает огромные стальные противни, и с унылым видом прихлебывает кофе из большой кружки. На часах двенадцать сорок пять.

– Ты напишешь другую. Еще лучше, чем эта, – говорит Эмиль.

– Я вложил всю душу в эту книгу. И вот ее нет.

– Да ладно тебе! Ты считаешь себя писателем. Значит, мыслей у тебя должно быть больше, чем на одну книгу. Так как в противном случае ты будешь вечно голодным писателем. И может, в следующий раз воспользуешься компьютером, а? Тогда ты просто сможешь распечатать еще один экземпляр.

Фабьену удалось подобрать сто восемьдесят три страницы из трехсот с хвостиком, которые унесло ветром. Часть страниц оказалась заляпана грязью, забрызгана водой, с отпечатками подошв. Но часть бесследно исчезла в парижской ночи. Когда он обходил улицы вокруг дома, то видел отдельные страницы, реюющие в воздухе или мокнущие в сточной канаве под равнодушными взглядами прохожих. Смотреть, как самые сокровенные мысли валяются у всех на виду, было для него равносильно тому, чтобы в голом виде появиться на людях.

– Эмиль, я такой дурак. Ведь Сандрин постоянно твердила мне, чтобы я не брал рукопись на крышу...

– Ой нет! Только давай не будем о Сандрин. Пожалуйста! – Эмиль выливает из раковины жирную воду и наливает свежую. – Если ты опять заведешь свою шарманку о Сандрин, то я тогда глотну бренди. На трезвую голову мне этого не вынести.

– Что мне теперь прикажешь делать?

– То, что тебе велит твой герой, писатель Сэмюэл Беккет: «Попробуй снова. Провались снова. Провались лучше». – Эмиль поднимает на Фабьена глаза, его шоколадная кожа блестит от пота и пара. – И сейчас я говорю не только о твоей рукописи. Тебе необходимо снова начать выходить. Знакомиться с женщинами. Немножко выпить, немножко потанцевать... Найти материал для следующей книги!

– У меня что-то нет настроения.

– Тогда сделай так, чтобы оно было! – Эмиль как раскаленный радиатор, рядом с ним всегда становится теплее. – По крайней мере, у тебя наконец появилась причина вылезти из квартиры. Попробуй хоть немного пожить полной жизнью! Подумай о чем-нибудь другом. – Он заканчивает мыть последний противень. Складывает его вместе с остальными и перебрасывает через плечо посудное полотенце. – Ладно. У Оливье завтра ночная смена, так? Значит, остаемся только мы с тобой. Сходим выпить пивка. Что скажешь?

– Ну, я не знаю...

– А какие еще у тебя есть варианты? Сидеть сиднем в своей крошечной квартирке? Месье Олланд, наш президент, скажет тебе по телику, что в стране нет денег. А твой пустой дом скажет тебе, что у тебя нет женщины.

– Да уж, Эмиль, утешил так утешил! Тоже мне, друг называется!

– Да! Я твой друг! И могу перечислить миллион причин, почему тебе стоит пойти со мной. Ну давай повеселимся немного! Подцепим нехороших женщин. Попадем в каталажку. – (Фабьен допивает кофе, вручает кружку Эмилю, и тот кладет ее в раковину.) – Давай! Тебе надо жить так, чтобы было о чем писать.

– Может быть, – говорит Фабьен. – Я подумаю.

Ее будит стук в дверь. Сперва словно издалека, затем – уже громче, и наконец она слышит голос:

– Уборка номеров.

Уборка номеров.

Нелл рывком садится, моргает, у нее слегка звенит в ушах, и в первую минуту она не понимает, где находится. Удивленно смотрит на незнакомую кровать, на обои на стенах. Откуда-то доносится приглушенное постукивание. Она вынимает беруши. Звук сразу становится оглушающим.

Она подходит к двери, открывает ее, продолжая усиленно тереть глаза:

– Здравствуйте!

Женщина в форме горничной извиняется, делает шаг назад и что-то говорит, должно быть, по-французски.

Но Нелл понятия не имеет, чего та от нее хочет. Она кивает и закрывает дверь. У нее такое чувство, будто ее переехала машина. Нелл ищет глазами американку, но видит лишь пустую кровать со скомканным покрывалом и распаханную дверцу шкафа. Тогда Нелл в панике проверяет, где ее чемодан. Но он, слава богу, на месте!

Нелл не рассчитывала, что американка уйдет так рано, но, если честно, даже рада, что ей не надо видеть эту надутую красную физиономию. Теперь можно спокойно помыться и...

Она смотрит на экран телефона. Четверть двенадцатого.

Не может быть!

Она переключает каналы телевизора, пока не находит новостной.

Черт, действительно четверть двенадцатого!

Мгновенно стряхнув с себя остатки сна, она начинает собирать вещи, швырять их в чемодан и поспешно одеваться. Хватает ключ, билеты и бегом спускается вниз. Француженка за стойкой администратора, такая же безупречная, как и вчера. И Нелл сразу жалеет, что не нашла минутку пригладить волосы.

– Доброе утро, мадемуазель.

– Доброе утро. Я хотела узнать, могу ли я... Словом, мне нужно поменять билет на «Евростар».

– Так вы хотите, чтобы я позвонила в «Евростар»?

– Будьте любезны. Мне надо сегодня быть дома. Э-э-э... семейные обстоятельства.

Лицо француженки остается бесстрастным.

– Конечно.

Она берет билет, набирает номер и что-то тараторит по-французски. Нелл машинально проводит рукой по волосам, затем протирает глаза.

– Самое раннее, что они могут предложить, – пять вечера. Это вас устроит?

– А пораньше нельзя?

– Утром у них были места на ранние поезда, но сейчас до пяти все забито.

Нет, ну надо же быть такой идиоткой, чтобы все на свете проспять!

– Отлично!

– И вам придется купить новый билет.

Нелл смотрит на свой билет, который протягивает ей администраторша. Ну да, здесь черным по белому написано: «ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ».

– Новый билет? И сколько он стоит?

Француженка что-то говорит в телефон, потом прикрывает трубку рукой:

– Сто семьдесят восемь евро. Ну что, вам бронировать?

Сто семьдесят восемь евро. Около ста пятидесяти фунтов.

– Хм... Знаете что? Мне надо кое-что утрясти. – Нелл берет билет, не осмеливаясь посмотреть француженке в лицо. Она чувствует себя ужасно глупо. Ну конечно, дешевый билет возврату не подлежит. – Большое вам спасибо. – Она спешит укрыться в тишине своего номера и не обращает внимания на оклики администраторши.

Нелл сидит на краешке кровати и вполголоса чертыхается. И так, она может или отдать половину своего недельного заработка, чтобы вернуться домой, или задержаться еще на ночь, чтобы в одиночестве пережить наихудший романтический уик-энд на всем белом свете. Конечно, можно сидеть в этой мансардной комнате наедине с французским телевидением, которого ей не понять. А можно сидеть в кафе, стараясь не смотреть на счастливые пары.

Она решает сварить себе кофе, но в номере нет чайника.

– Боже правый! – громко говорит она. И приходит к выводу, что ненавидит Париж.

И именно в эту секунду Нелл видит на полу под кроватью распечатанный конверт, из которого что-то торчит. Она наклоняется и поднимает конверт. Два билета на выставку художницы, о которой она вроде бы что-то где-то слышала. Нелл переворачивает конверт. Должно быть, конверт уронила та американка. И Нелл машинально кладет билеты в карман. Ладно, она потом решит, что с ними делать. А сейчас надо немного подкраситься, причесаться, а затем непременно выпить кофе.

На улице при дневном свете Париж нравится ей гораздо больше. Она идет по улице, пока не находит с виду симпатичное кафе, и заказывает кофе с круассаном. Ежась от холода, Нелл садится за столик на улице рядом с какими-то людьми, которые тоже пьют кофе.

Кофе отменный, а круассан просто объедение. Она записывает в книжке название кафе на случай, если ей захочется вернуться. Оставляет чаевые и возвращается в отель. «Что ж, у меня бывали завтраки и похуже», – думает она. Какой-то пожилой француз при виде Нелл вежливо притрагивается к шляпе, а маленькая собачка останавливается, чтобы сказать ей «привет». Через дорогу она замечает магазин с сумками в витрине и заглядывает внутрь. Таких красивых сумок она еще в жизни не встречала. А сам магазин будто декорации к кинофильму.

Нелл по-прежнему не может решить, что делать. Она идет нога за ногу и спорит сама с собой, записывая в своей книжке все доводы «за» и «против» того, чтобы взять билеты на пятичасовой поезд. Если она уедет на этом поезде, то сможет успеть на вечерний поезд до Брайтона и устроить девчонкам сюрприз. И таким образом спасти свой уик-энд. Она сможет напиться в хлам, и они будут за ней ухаживать. А иначе зачем тогда нужны подруги?!

Однако при мысли, что придется истратить еще сто пятьдесят фунтов на и так провальный уик-энд, у нее падает сердце. И ей вовсе не хочется, чтобы ее первая поездка в Париж закончилась трусливым бегством. Ей вовсе не хочется, чтобы Париж ей запомнился как место, где ее бессовестно кинули и откуда она сбежала домой, даже не увидев Эйфелевой башни.

Она все еще находится в раздумье, когда появляется в отеле, поэтому вспоминает о билетах на выставку только тогда, когда лезет в карман за ключом. Она вынимает конверт.

– Простите? – говорит она администраторше. – Вы, случайно, не знаете, где та женщина, с которой нас вчера вместе поселили? Номер сорок два?

Администраторша перелистывает бумажки.

– Она выписалась прямо с утра. Полагаю... семейные обстоятельства. – Ее лицо остается невозмутимым. – В этот уик-энд у многих возникли семейные обстоятельства.

– Она забыла в номере билеты. На художественную выставку. И теперь я не знаю, что с ними делать.

Нелл протягивает билеты администраторше, та их внимательно изучает.

– Она отправилась напрямик в аэропорт... О, насколько я знаю, это очень популярная выставка. Прошлым вечером о ней говорили в новостях. Люди часами стоят в очереди, чтобы туда попасть. – (Нелл снова смотрит на билеты.) – На вашем месте, мадемуазель, я непременно сходила бы. – Администраторша приветливо улыбается. – Если вы, конечно, можете... Если ваши семейные обстоятельства могут подождать.

– Возможно, я так и сделаю, – отвечает Нелл.

– Мадемуазель? – (Нелл оборачивается.) – Мы не возьмем с вас денег за номер, если вы решите остаться. В компенсацию за доставленное неудобство. – На лице француженки появляется извиняющаяся улыбка.

– О, спасибо большое. – Нелл приятно удивлена.

И она решается. Ведь это всего лишь еще одна ночь. Да, она остается.

Сандрин, бывшая девушка Фабьена, всегда говорила ему, что он встает слишком поздно. И вот теперь, оказавшись в конце очереди, отмеченной знаками «Один час до входа на экспозицию», «Два часа до входа на экспозицию», Фабьен укоряет себя за то, что не проснулся в восемь часов, как, собственно, и планировал.

По идее, ему надо было заскочить к отцу, помочь повесить полки. Но когда Фабьен ехал на своем мопеде по набережной, то увидел указатели и остановился. Он жизнерадостно встал в конец очереди сорок пять минут назад, рассчитывая, что она будет двигаться достаточно быстро. Но в результате ему удалось продвинуться лишь на десять футов. День сегодня холодный, небо ясное, и Фабьен чувствует, что начинает замерзать. Он натягивает пониже шапку и нервно ковыряет землю носком ботинка.

Конечно, он мог просто выйти из очереди и встретиться с отцом, как и обещал. Мог вернуться домой и убрать квартиру. Мог заправить бензином мопед и подкачать шины. Мог разобрать бумаги, что не мешало бы сделать еще несколько месяцев назад. Но поскольку, похоже, никто не собирается покидать очередь, он тоже остается.

А вдруг ему тут станет легче? – думает он. Возможно, сегодня он сделает шаг вперед. И он не сдастся, как всегда, в чем вечно упрекала его Сандрин.

И само собой, это никак не связано с тем фактом, что Фрида Кало – любимая художница Сандрин. Он поднимает воротник, представляя, как случайно сталкивается с ней в баре. «О да, – небрежно скажет он. – Я только что был на выставке Диего Риверы и Фриды Кало». А она удивится, а может, даже обрадуется. Возможно, он купит каталог и подарит ей.

Но несмотря на все свои фантазии, он понимает, что это дохлый номер. Сандрин вряд ли появится возле бара, где он работает. После того как они расстались, она обходит бар стороной. Тогда что он здесь делает?

Фабьен поднимает глаза и видит девушку, бредущую в конец длиннющей очереди, синяя шапочка низко надвинута на челку. На лице девушки написана та же растерянность, что и у всех, кто обнаруживает, какой длины очередь.

Девушка в синей шапочке встает за женщиной неподалеку от него. У девушки в руках две полоски бумаги.

– Простите? Вы говорите по-английски? Это очередь на выставку Кало?

Она уже не первая, кто спрашивает. Женщина пожимает плечами и бросает что-то по-испански. Когда до Фабьена доходит, что именно девушка держит в руках, он поворачивается к ней:

– Вам не надо стоять в очереди. – Он показывает на начало очереди. – С билетами – вон туда.

– Ох, – улыбается она. – Какое счастье!

И тут он ее узнает:

– Простите, это не вы, случайно, были вчера вечером в кафе «Бастид»?

Вид у нее слегка ошарашенный. Она машинально прикрывает рот рукой.

– Ой! Официант. Я облила вас вином. Извините.

– De rien, – отвечает он. – Пустяки.

– Но вы все равно извините меня. И... большое спасибо. – Она уже собирается отойти, но поворачивается и смотрит на Фабьена, а потом – на толпу народа вокруг. Явно что-то прикидывая в уме. А затем спрашивает его: – Скажите, вы кого-нибудь ждете?

– Нет.

– Хотите... хотите мой второй билет? У меня два.

– А вам самой разве не нужно?

– Мне их... подарили. Так что второй мне без надобности.

Фабьен таращится на девушку в ожидании дальнейших объяснений, но она больше ничего не говорит. Он протягивает руку и берет билет:

– Спасибо!

– Не стоит благодарности.

Они вместе направляются к маленькой очереди у входа, где проверяют билеты. Он рад неожиданному подарку и не в силах сдержать довольную ухмылку. Она смущенно косится на него и тоже улыбается. Он вдруг замечает, что у нее порозовели уши.

– Итак, – начинает он. – Вы здесь на каникулах?

– Только на уик-энд. Просто... ну вы понимаете... хотелось куда-нибудь съездить.

Он слегка склоняет голову набок:

– Это хорошо. Просто взять и уехать. Очень... – он подыскивает нужное слово, – импульсивно.

Она качает головой:

– А вы каждый день работаете в ресторане?

– В основном. Я хочу стать писателем. – Опускает глаза и поддевает носком камешек. – Но боюсь, что так и останусь официантом.

– О нет! – произносит она неожиданно звонким голосом. – Не сомневаюсь, у вас получится. Ведь на ваших глазах столько всего происходит. Жизнь самых разных людей, я хочу сказать. У вас наверняка полно идей.

Он смущенно пожимает плечами:

– Это просто мечта. Не уверен, что она сбудется.

И вот они уже у входа на выставку. Охранник ведет девушку к стойке, чтобы проверить ее сумку. Она явно смущается, и Фабьен не знает, ждать свою новую знакомую или нет.

Однако она поднимает руку, словно желая попрощаться.

– Еще раз спасибо, – говорит она. – Надеюсь, вам понравится выставка.

Он засовывает руки в карманы и кивает:

– До свидания.

Он даже не знает ее имени. А потом она бежит вниз по ступенькам и исчезает в толпе.

Фабьена еще несколько месяцев назад засосала рутина жизни, и он потерял способность думать о чем-то другом, кроме Сандрин. И любой бар, куда он заходил, непременно навевал ему воспоминания о местах, где они когда-то бывали. А каждая песня, которую он слышал, напоминала ему о форме ее верхней губы, о запахе ее волос. Он словно жил с призраком.

Однако сейчас, в этой картинной галерее, у него в душе что-то происходит. Что-то меняется. Его захватывают картины: огромные яркие полотна Диего Риверы, пронзительные автопортреты Фриды Кало, женщины, которую любил Ривера. Фабьен практически не замечает других посетителей, толпящихся перед картинами.

Он останавливается перед потрясающим полотном, где она изобразила свой позвоночник в виде сломанной колонны. В глазах женщины на портрете такая вселенская тоска, что у Фабьена нет сил отвернуться. Реальная крестная мука, думает он. А не какая-то там хандра после расставания с Сандрин, которая, собственно, только и делала, что его критиковала. И у Фабьена словно камень падает с души.

Он снова и снова останавливается перед картинами, которые уже видел, читает информацию о жизни этой пары, об их страсти к искусству, к борьбе за права рабочих, друг к другу. Фабьену хочется жить, как эти люди. Он должен стать писателем. Должен.

Теперь он преисполнен желанием поскорее отправиться домой и написать нечто свежее, такое же искреннее, как эти картины. Да, больше всего ему сейчас хочется писать. Но что?

А потом он видит ту самую англичанку, перед автопортретом Фриды Кало, изобразившей свой позвоночник в виде сломанной колонны. Широко распахнутые грустные глаза его новой знакомой прикованы к лицу девушки на картине. В правой руке англичанка сжимает синюю шапочку. И он вдруг видит, как по ее щеке катится слеза. Она поднимает левую руку и, по-прежнему не сводя взгляда с картины, вытирает слезу ладонью. Неожиданно она оборачивается, словно почувствовав, что на нее смотрят, и их глаза встречаются. И тогда Фабьен, не успев толком подумать, подходит к ней.

– У меня не было возможности вас спросить, – говорит он, – но, может, вы не откажетесь выпить со мной кофе?

Вчетыре часа дня в кафе «Ле шеваль блё» яблоку негде упасть, но официантка находит для Фабьена столик внутри. Похоже, он из тех мужчин, которым всегда удается получить хороший столик. Он заказывает маленький черный кофе, и она говорит: «Мне то же самое», поскольку ей не хочется, чтобы он слышал ее жуткое французское произношение.

За столиком возникает неловкая пауза.

– Хорошая выставка, да?

– Обычно я не плачу, глядя на картины, – произносит она. – И теперь чувствую себя ужасно глупо.

– Нет-нет, просто экспозиция берет за душу. Все эти толпы людей, и фотографии, и вообще...

И он начинает рассуждать о выставке, о том, что слышал о работах этой художницы, но даже не подозревал, что ее картины настолько его тронут.

– Я чувствую их здесь, понимаете? – Он тычет себе в грудь. – Это так... мощно.

– Да, – соглашается она.

Как это не похоже на привычную болтовню ее знакомых, которые привыкли обсуждать, в чем Тесса пришла на работу, или сериал «Улица Коронации», или кто отрубился, когда они вусмерть надрались в прошлый уик-энд.

– Думаю... я хочу писать так, как они рисуют. Понимаете, о чем я? Я хочу, чтобы кто-нибудь прочел мою книгу и сказал «блин!» – (Она не может сдержать улыбку.) – Вы находите это смешным? – Он выглядит обиженным.

– Ой нет! Просто вы употребили слово «блин».

– Ну и что?

– У нас в Англии так не говорят. Я просто... – Она качает головой. – Просто очень смешное слово. Блин.

Он смотрит на нее и громко смеется:

– Блин!

И лед сломан. Приносят кофе, она кладет в чашку два кусочка сахара, чтобы не было слишком горько.

Фабьен выпивает кофе в два глотка.

– Итак, как тебе Париж, Нелл из Англии?

– Мне нравится. По крайней мере, то, что я успела посмотреть. Но я пока не видела ни единой достопримечательности. Ни Эйфелеву башню, ни Нотр-Дам, ни того моста, на решетку которого влюбленные вешают замки. И вряд ли теперь успею.

– Ты вернешься. Люди всегда возвращаются. А что ты делаешь сегодня вечером?

– Не знаю. Может, поищу другое симпатичное местечко, чтобы поесть. А может, просто останусь в отеле. Я жутко устала. – Она рассмеялась. – А ты сегодня работаешь в ресторане?

– Нет. Не сегодня.

Она усиленно пытается скрыть разочарование.

Он бросает взгляд на часы:

– Merde! Я обещал помочь отцу. Мне надо идти. – Он поднимает на нее глаза. – Но сегодня вечером я встречаюсь с друзьями. Если хочешь, присоединяйся.

– О, это очень любезно с твоей стороны, но...

– Ты не можешь приехать в Париж и весь вечер проторчать в номере отеля.

– Ничего страшного. Я переживу.

У нее в ушах вдруг звучит голос матери: *Нельзя встречаться с незнакомыми мужчинами.* Он может оказаться кем угодно. И у него бритая голова.

– Нелл, позволь мне угостить тебя выпивкой. Чтобы хотя бы отблагодарить за билет.

– Даже и не знаю...

У него удивительная улыбка. Она колеблется.

– А это далеко?

– Здесь все близко, – смеется он. – Ты в Париже!

– Ладно. Где встречаемся?

– Я за тобой зайду. Где твой отель?

Она дает ему название отеля и спрашивает:

– А куда мы пойдём?

– Туда, куда приведет нас ночь. Ты ведь у нас как-никак Импульсивная Английская Девчонка! – Он салютует ей, рывком заводит мопед и с ревом уносится прочь.

Нелл возвращается к себе в номер, взбудораженная событиями сегодняшнего дня. У нее перед глазами до сих пор стоят картины с выставки, большие руки Фабьена на маленькой чашечке, печальный взгляд той хрупкой художницы со сломанным позвоночником. А еще роскошные сады на берегу и река Сена, величаво текущая вниз. Она слышит шипение открывающихся и закрывающихся дверей вагонов метро. Она чувствует, как внутри все буквально бурлит. Она ощущает себя героиней из книжки.

Она принимает душ и моет голову. Перебирает свои немногочисленные наряды, мучаясь вопросом, достаточно ли они парижские. Ведь женщины здесь такие стильные. И каждая одевается не так, как другие. По крайней мере, не так, как английские девушки.

И тогда она, недолго думая, спускается вниз и бежит в сторону магазинчиков, мимо которых проходила раньше. И останавливается перед витриной. Еще утром она обратила внимание на зеленое платье с узором из ананасов. Это платье напомнило ей о кинозвездах пятидесятых годов. Она делает глубокий вдох и толкает дверь.

Через двадцать минут она уже в номере отеля с пакетом в руках. Вынимает из пакета платье и поспешно надевает. Встает перед зеркалом, любясь мягкими складками, линией талии, и неожиданно понимает, что за весь день ни разу не вспомнила про Пита. Она в Париже, в платье из парижского магазина и собирается на свидание с незнакомым мужчиной, которого подцепила в картинной галерее!

Она закалывает волосы в свободный низкий узел, подкрашивает губы, садится на кровать и смеется.

Двадцать минут спустя она по-прежнему сидит на кровати и задумчиво смотрит прямо перед собой.

Она в Париже и собирается на свидание с незнакомым мужчиной, которого подцепила в картинной галерее!

Она, наверное, рехнулась.

Это самая большая глупость из всех, которые она вообще когда-либо делала.

Это даже глупее, чем купить дорожущее платье с узором из ананасов.

И даже глупее, чем купить билет в Париж мужчине, имевшему наглость заявить, будто не может решить, на что похоже ее лицо: то ли на лошадиную морду, то ли на булочку с изюмом.

Завтра ее имя появится в новостях на первых полосах газет или, хуже того, в крошечных заметках, настолько незначительных, что им даже не нашлось места на первой полосе.

Девушка найдена убитой в Париже, после того как ее бойфренд не смог к ней присоединиться.

«Я говорила ей, что нельзя встречаться с незнакомыми мужчинами», – заявила ее мать.

Она смотрит на себя в зеркало. Нет, это просто безумие. Что она наделала?

Нелл хватается за ключ, влезает в туфли и бежит вниз по узкой лестнице к стойке администратора. Администраторша, как всегда, на месте, и Нелл ждет, когда та закончит говорить по телефону, а затем наклоняется к ней и тихо произносит:

– Если за мной зайдет мужчина, не могли бы вы сказать ему, что я заболела?

Женщина хмурится:

– Значит, это не семейные обстоятельства?

– Нет. У меня... э-э-э... болит живот.

– Болит живот. Мне так жаль, мадемуазель. А как выглядит этот мужчина?

– Очень короткие волосы. Ездит на мопеде. Его определенно еще нет. Я... Высокий такой.

Хорошие глаза.

– Хорошие глаза.

– Послушайте, он единственный мужчина, который может обо мне справиться. – (Администраторша кивает, словно ни секунды не сомневается.) – Я... Он пригласил меня куда-нибудь с ним сходить сегодня вечером, и... это не самая удачная идея.

– Выходит... он вам не нравится?

– Ой нет, что вы! Он милый. Просто, ну... я совсем не знаю его.

– Но... как вы сможете его узнать, если отказываетесь пойти с ним на свидание?

– Я не знаю его достаточно хорошо, чтобы пойти с ним в незнакомом городе в незнакомое место. И возможно, с незнакомыми людьми.

– Надо же, как часто повторяется слово «незнакомый»!

– Вот именно.

– Значит, вечер вы проведете у себя в номере?

– Да. Нет. Не знаю. – Нелл топчется возле стойки администратора, понимая, как глупо все это звучит.

Женщина медленно оглядывает ее с головы до ног:

– Очень симпатичное платье.

– О, спасибо большое.

– Какая жалость. Что у вас разболелся живот. Ну да ладно. – Она улыбается и снова возвращается к своим бумагам. – Быть может, в другой раз.

Нелл сидит в номере и смотрит французское телевидение. Какой-то мужчина разговаривает с другим мужчиной. А тот усиленно кивает, отчего все его жирные подбородки непрестанно дрожат. Она то и дело глядит на часы, часовая стрелка медленно подползает к цифре восемь. У нее урчит в животе. Она вспоминает, что Фабьен вроде бы говорил о маленькой фалафельной в еврейском квартале. Интересно, каково это сидеть сзади на мопеде?

Она достает записную книжку, хватается с прикроватного столика шариковую ручку с логотипом отеля. И начинает писать:

ПОЧЕМУ Я ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛА, ЧТО ОСТАЛАСЬ В НОМЕРЕ

1. Он может быть убийцей с топором.

2. Он может захотеть секса.

3. Возможно, 1 и 2.

4. Я могу в конце концов оказаться в той части Парижа, которую вообще не знаю.

5. Возможно, мне придется разговаривать с таксистами.

6. У меня могут возникнуть проблемы с возвращением в отель поздно ночью.

7. У меня дурацкое платье.

8. Мне придется притворяться импульсивной.

9. Мне придется говорить по-французски или есть французскую еду на глазах у французов.

10. Если я рано лягу спать, то встану вовремя и спокойно успею на обратный поезд.

Она сидит, уставившись на свой аккуратно составленный список. А затем пишет на обороте:

1. Я в Париже.

Нелл еще раз смотрит на список. А потом, когда часы показывают восемь вечера, засовывает записную книжку обратно в сумку, хватая пальто и сломя голову бежит вниз по лестнице в холл отеля.

Он уже тут. Стоит, облокотившись на стойку, и болтает с администраторшей. У Нелл при виде его начинает пылать лицо. Она подходит к ним с отчаянно бьющимся сердцем, пытаясь сообразить, как объяснить свое странное поведение. Что бы она сейчас ни сказала, это будет звучать по-кретински. И сразу станет ясно, что она испугалась с ним встречаться.

– А... это вы, мадемуазель. Я как раз говорила вашему другу, что вы немного задерживаетесь.

– Ну что, ты готова? – Фабьен улыбается.

Нелл что-то не припомнит, чтобы кто-нибудь так радовался встрече с ней, если, конечно, не считать соседского кобеля, обожавшего совершенно неприличным образом тереться о ее ногу.

– Мадемуазель, если вы вернетесь после полуночи, вам понадобится специальный код для входной двери. – Администраторша вручает ей маленькую карточку. – Я так рада, что ваш живот прошел.

– У тебя что, болел живот? – спрашивает Фабьен, протягивая ей запасной шлем.

Парижский вечер холодный и промозглый. Ей еще ни разу в жизни не доводилось ездить на мопеде. Она где-то читала, сколько людей погибает в авариях с мопедами. Но все-таки надевает шлем, Фабьен уже в седле и машет ей рукой, чтобы присоединялась.

– Все в порядке, – отвечает она.

Только, ради бога, не дай нам убиться, думает она.

– Хорошо! Сперва мы пропустим по стаканчику, потом, возможно, поедим, но сперва я покажу тебе Париж, идет?

Она обнимает его за талию, мопед делает рывок и со скрежетом исчезает в темноте.

Фабьен со свистом пронесется по улице Риволи, ныряя и выныривая из потока транспорта, чувствуя, как сжимаются руки девушки на его талии всякий раз, когда он прибавляет скорость. Он останавливается на красный свет и спрашивает:

– Ты в порядке? – Из-за шлема его голос звучит глухо.

Она улыбается, кончик носа слегка покраснел.

– Да! – кричит она, и Фабьен не может сдержать улыбку.

Сандрин всегда ездила с непроницаемым лицом, словно пытаюсь скрыть, что она думает о его манере вождения. А вот эта англичаночка визжит и хохочет, а иногда, когда он маневрирует особо резко, объезжая неожиданно появившуюся из переулка машину, отчаянно кричит: «Господи боже мой! Господи боже мой!»

Фабьен везет ее по оживленным проспектам, по боковым улочкам, выскакивает на мост, чтобы она могла полюбоваться переливающейся под ним водой. Затем он делает круг и въезжает на другой мост, откуда можно увидеть светящийся в темноте Нотр-Дам с его каменными горгульями, выглядывающими из тени.

А затем, не дав ей перевести дух, везет ее по Елисейским Полям, лавируя между машинами, сигналив неосторожно выскочившим на проезжую часть пешеходам. Затем сбрасывает скорость и поднимает руку вверх, чтобы она посмотрела... Он чувствует, как она чуть-чуть отклоняется назад, когда они проезжают мимо очередных достопримечательностей. Он поднимает вверх большой палец, и она делает то же самое.

Он мчится через мост и сворачивает направо на набережную. Обгоняет автобусы и такси, игнорируя гудки, и наконец оказывается у цели. Останавливается и глушит мотор. По реке, сияя огнями, плывут прогулочные суда, рядом в ларьках торгуют брелками с Эйфелевой башней и сахарной ватой. И вот перед ними предстает она. Эйфелева башня с ее миллионами стальных частей простирается в черное небо.

Нелл ослабляет хватку и осторожно слезает с мопеда, словно за время поездки у нее затекли ноги. Снимает шлем. Фабьен обращает внимание на то, что, в отличие от Сандрин, она даже не утруждается поправить прическу. Нелл не до этого. Она смотрит вверх распахнутыми глазами, ее рот от удивления становится похожим на букву «О».

Фабьен тоже стягивает шлем и перегибается через руль.

– Вот! Теперь ты можешь сказать, что осмотрела самые известные достопримечательности Парижа всего за... хм... двадцать две минуты.

Она переводит на него взгляд, ее глаза сияют.

– Черт, это была самая отпадная и, наверное, лучшая вещь в моей жизни! – (Он смеется.) – Это же Эйфелева башня!

– Хочешь подняться наверх? Но нам, наверное, придется выстоять очередь.

Она на секунду задумывается:

– По-моему, на сегодня с нас достаточно очередей. Вот от чего я реально не отказалась бы, так это от выпивки.

– Какой именно?

– Хочу вина! – Она снова садится на мопед. – Хочу много-много вина!

Он заводит мопед и мчится в ночь.

И вот час спустя они пьют в баре. Речь вроде бы шла о том, чтобы поесть, но, похоже, сейчас всем не до еды. Нелл полностью расслабилась в компании Эмиля и Саши, а еще

рыжеволосой подружки Эмиля, чье имя Фабьен постоянно забывает. Нелл снимает пальто и смеется, мило встряхивая волосами. Ради нее они переходят на английский, а Эмиль учит ее ругаться по-французски.

– Merde! – говорит он. – Но ты должна при этом делать строгое лицо. Merde!

– Merde! – Она вскидывает руки, совсем как Эмиль, а затем снова заходится в приступе смеха. – Нет, мое произношение никуда не годится!

– Дерьмо.

– Дерьмо, – повторяет она, подражая его низкому голосу. – А вот это я могу.

– Нет, ты ругаешься как-то без души. Мне почему-то всегда казалось, что английские девчонки матерятся как сапожники, разве не так?

– Блин! – говорит она и оглядывается на Фабьена.

И он вдруг замечает, что наблюдает за ней. Да, она не красавица. По крайней мере, не такая красивая, как Сандрин. Но есть в лице его новой знакомой нечто столь притягательное, что невозможно отвести глаза. Ему нравится, как она забавно морщит нос, когда смеется. И то, как при этом ее лицо сразу становится виноватым, словно она делает нечто предосудительное. И то, как она широко улыбается, показывая мелкие белые, совсем детские, зубы.

Их взгляды на секунду встречаются, он видит вопрос в ее глазах, и в воздухе висит невысказанный ответ. Да, Эмиль занятый, говорит ее взгляд, но только мы знаем, что между нами что-то есть. Он отворачивается, чувствуя, как напрягаются мышцы живота. Тогда он встает, подходит к барной стойке и заказывает выпивку на всех.

– Похоже, ты наконец решил двигаться дальше? – спросил бармен Фред.

– Она просто друг. Приехала из Англии.

– Ну как знаешь, – говорит Фред и наполняет стопки. Ему даже не надо спрашивать, что они будут пить. Сегодня же субботний вечер. – Кстати, я ее видел.

– Сандрин?

– Да. Сказала, что сменила работу. Что-то связанное с дизайн-студией.

У Фабьена на секунду болезненно сжимается сердце. Надо же, в жизни Сандрин произошли важные изменения, а он не в курсе!

– Хорошо, – Фред старательно избегает его взгляда, – что ты двигаешься дальше.

По этой его фразе Фабьен понимает, что у Сандрин кто-то есть. *Хорошо, что ты двигаешься дальше.*

И пока он несет напитки к столику, на него вдруг что-то накатывает. Сердце противно ноет, но уже не болит. Ладно, проехали. Пора ее отпустить.

– А я думала, мы будем пить вино. – Нелл делает большие глаза при виде того, что он принес.

– Самое время выпить текилы, – отвечает он. – По маленькой. Просто так, без повода.

– Ведь ты в Париже, и сейчас субботний вечер, – добавляет Эмиль. – Да и вообще, зачем нам повод, чтобы выпить текилы?

Фабьен видит у Нелл на лице тень сомнения. Но она упрямо вздергивает подбородок.

– Тогда вперед! – Она обсасывает дольку лайма, опрокидывает в себя стопку, морщится и крепко зажмуривает глаза. – О боже!

– Вот теперь мы знаем, что сейчас субботний вечер, – заявляет Эмиль. – Давайте веселиться! Ну что, гуляем до утра?

Фабьен не против. Он полон жизни и готов на подвиги. Он хочет до утра смотреть, как смеется Нелл. Хочет поехать в клуб и танцевать с ней, его рука на ее взмокшей спине, ее глаза прикованы к его. Хочет не спать до зари, но на сей раз не из-за бессонницы, выпивать, веселиться и гулять по парижским улицам. Хочет наслаждаться ощущением надежды, которую

дает тебе кто-то новый – тот, кто видит в тебе лишь хорошее, а не только плохое.

– Конечно. Если Нелл не против.

– Нелл, – говорит Эмиль. – Интересное имя. Это что, типичное английское имя?

– Самое ужасное имя на свете, – отвечает она. – Мама назвала меня так в честь героини одного из романов Чарльза Диккенса.

– Могло быть и хуже. Тебя могли назвать – как там ее звали? – мисс Хэвишем.

– Мерси Пексниф.

– Фанни Доррит.

Она хихикает, прикрывая рот рукой:

– Откуда вы все так хорошо знаете Диккенса?

– Мы слишком много читаем. Фабьен вообще только этим и занимается. Просто мрак!

Нам приходится чуть ли не силком выволакивать его из дому. – Эмиль поднимает стопку. – Он у нас типа – как вы это называете? – отшельника. Он отшельник. Ума не приложу, как тебе сегодня удалось вытащить его в бар, но я просто счастлив. Salut!

– Salut! – отвечает она, лезет в карман за телефоном и удивленно смотрит на экран.

Вид у нее ошарашенный. Нелл подносит телефон поближе к глазам, точно желая проверить, правильно ли она поняла.

– Все в порядке? – спрашивает Фабьен, заметив, что Нелл как-то странно притихла.

– Все отлично. – Она смущенно теревит конец шарфа. – Если честно... нет. Думаю, мне пора уходить. Мне реально жаль.

– Уходить? – удивляется Эмиль. – Нелл, ты не можешь уйти! Вечер еще только начинается!

Нелл явно не по себе.

– Мне... мне действительно очень жаль. Но кое-что... – Она тянется за пальто и сумкой. Поднимается и протискивается мимо Фабьена. Он встает, чтобы ее пропустить. – Мне очень жаль. Кое-что... кое-кто приехал и хочет меня видеть. Я должна...

Он смотрит на нее сверху вниз и сразу все понимает по выражению ее лица.

– У тебя есть бойфренд.

– Вроде того. Да. – Она нервно кусает губу. Фабьен сам от себя не ожидал, что будет настолько разочарован. – И сейчас он неожиданно появился в отеле.

– Тебя отвезти?

– Спасибо, нет. Пожалуй, пойду пешком.

Они подходят к двери.

– Ладно. Дойдешь до церкви, там повернешь налево – и ты на улице, где твой отель.

Она не решается на него посмотреть. Наконец она поднимает глаза:

– Мне на самом деле жаль. Я замечательно провела время. Спасибо.

Он пожимает плечами:

– De rien.

– Пустяки, – переводит она.

Хотя нет, вовсе не пустяки. Он понимает, что не может попросить у нее номер телефона. Не теперь. Он машет рукой. Она бросает на него прощальный взгляд. А потом, будто нехотя, поворачивается и уходит. И вот она уже быстро идет, можно сказать, почти бежит в сторону церкви, ее сумка болтается где-то за спиной.

– Ты говорил, она импульсивная. – Рядом с ним возникает Эмиль. – Но... что случилось? Я что-то не так сказал?

Глава 10

Пит ждет Нелл в холле отеля. Сидит, широко расставив ноги и раскинув руки на спинке дивана, и при виде Нелл даже не думает встать.

– Детка! – (Она каменеет. Смотрит на администраторшу, которая напряженно всматривается в какие-то бумаги.) – Сюрприз!

– Что ты здесь делаешь?

– Я тут подумал, что мы вполне можем превратить уик-энд в Париже в одну ночь в Париже! Это все равно зачтется, верно?

Она стоит как изваяние посреди холла:

– Но ты ведь сообщил, что не приедешь.

– Ты же меня знаешь. Я полон сюрпризов. А отель ничего, вполне себе милый.

У нее такое чувство, будто перед ней незнакомый человек. Волосы слишком длинные, а выцветшие джинсы и замшевые ботинки, которые раньше ей казались крутыми, сейчас кажутся убогими и потрепанными.

Немедленно прекрати! – приказывает она себе. Он проделал такой путь. Он сделал именно то, что ты от него хотела. И это, как ни крути, чего-нибудь да стоит.

– Выглядишь классно. Может, наконец поздороваешься?

Она делает шаг вперед, целует Пита. От него пахнет табаком.

– Прости. Я просто... просто немного растеряна.

– Мне нравится держать тебя в напряжении. Ну что, закинем мое барахлишко и пропустим по маленькой? А можно провести вечер здесь и заказать ужин в номер. Как тебе? – Он ухмыляется и приподнимает бровь.

Нелл косится краем глаза на администраторшу. Та смотрит на него как на мерзкого посетителя, по недоразумению оказавшегося в холле ее отеля.

Он не побрился, думает Нелл. Он даже не удосужился побриться.

– Здесь нет обслуживания номеров. Только завтрак.

Пит пожимает плечами и встает с дивана.

– Кстати, клевое платье. Очень... шикарное.

– Постой-ка. Только один вопрос, – говорит она. – Я просто... я просто хотела узнать, как так получилось, что ты все же приехал. Ты ведь сообщил мне, что у тебя никак не получается выбраться. По крайней мере, именно это было написано в твоей эсэмэске.

– Ну... Мне не хотелось оставлять тебя здесь одну. Я ведь знаю, какая у тебя тревожная психика. Особенно если меняются планы и тому подобное.

– Но ты же оставил меня одну прошлой ночью.

Вид у него смущенный.

– Да. Но понимаешь...

Долгое молчание.

– Понимаешь – что?

Он скребет в голове, улыбается своей неотразимой улыбкой:

– Ладно. Ну, со мной связалась Триш и сказала, что немного беспокоится за тебя.

– Триш тебе звонила?!

– Отправила эсэмэску. Сообщила, что не может до тебя дозвониться и хочет удостовериться, что все в порядке.

Нелл как будто прирастает к полу.

– А что конкретно она написала?

– Да какая разница? Послушай, я здесь. Так давай радоваться этому, хорошо? Да брось, у нас времени осталось только до завтра. И вообще, билет обошелся мне в целое состояние.

Она смотрит на него во все глаза. Он протягивает руку. Она неохотно отдает ему ключ, Пит поворачивается и, повесив на плечо сумку, начинает подниматься по лестнице.

– Мадемуазель... – (Нелл поворачивается как в тумане. Она совсем забыла об администраторше.) – Ваш друг оставил вам сообщение.

– Фабьен? – В голосе Нелл звучит плохо скрытая надежда.

– Нет. Женщина. Когда вы выходили. – Она протягивает Нелл лист бумаги с шапкой отеля.

ПИТ УЖЕ ЕДЕТ. ПРИШЛОСЬ ДАТЬ ЕМУ ХОРОШЕГО ПИНКА ПОД ЗАД.
ПРОСТИ, МЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЛИ. НАДЕЮСЬ, УИК-ЭНД ВСЕ ЖЕ УДАСТСЯ.
ТРИШ.

Нелл смотрит на послание от Триш, бросает взгляд в сторону лестницы и поворачивается к администраторше. Бумагу она засовывает в карман.

– Не могли бы вы подсказать, где лучше поймать такси? – спрашивает она.

– С удовольствием, – отвечает администраторша.

У Нелл в кармане сорок евро, двадцатку она швыряет таксисту и выскакивает из машины, не заботясь о сдаче.

В баре царит полумрак. Смещение тел и бутылок. Она протискивается вперед, пытаясь отыскать знакомые лица, ей в нос бьет запах пота и духов. Столик, за которым они сидели, теперь занят чужими людьми. Фабьена нигде не видно.

Нелл поднимается наверх, там поспокойнее, люди непринужденно болтают, сидя на диванчиках, но и тут его тоже нет. Она спускается вниз и проталкивается к барной стойке, где им тогда наливали.

– Простите! – Нелл не сразу удается привлечь внимание бармена. – Привет! Мой друг недавно был здесь. Вы его, случайно, не видели?

Бармен смотрит на нее с прищуром и кивает, словно припоминая:

– Фабьен?

– Да. Да!

Ну конечно, Фабьена здесь все знают.

– Он ушел.

У нее вдруг схватывает живот. Она его упустила. Вот так-то. Бармен наклоняется над стойкой, чтобы наполнить чей-то стакан.

– Merde! – Она чувствует себя совершенно опустошенной.

Возле нее возникает бармен, у него в руке стакан с выпивкой.

– Вы можете попробовать поискать его в «Уайлдкэт». Они с Эмилем обычно там зависают.

– «Уайлдкэт»? А где это?

– Улица Жантильом де... – Голос бармена тонет в раскатах смеха, и он отворачивается, чтобы выполнить заказ очередного клиента.

Нелл выбегает на улицу. Останавливает такси.

– Срочное дело! – говорит она. Водитель, какой-то азиат, выжидательно смотрит в зеркало. – «Уайлдкэт», – говорит она. – Улица Жантильом как-то там. Ради бога, скажите, что вы знаете, где это!

Он поворачивается к ней:

– Que?

– «Уайлдкэт». Бар. Клуб. Уайлд. Кэт.

Она говорит уже на повышенных тонах. Таксист качает головой. Нелл закрывает лицо руками, пытаясь понять, что делать. Затем опускает стекло и окликает каких-то троих парней, стоящих на тротуаре у входа в бар:

– Простите! Вы знаете «Уайлдкэт»? Бар «Уайлдкэт»?

Один из них, восторженно кивает:

– А ты что, хочешь нас подвезти?

Она изучает их лица – пьяные, жизнерадостные, открытые – и принимает решение:

– Конечно, если вы знаете этот бар. А где это?

– Мы покажем!

Парни набиваются в такси, пьяные улыбки и рукопожатия. Она решительно отвергает предложение сесть на колени к самому низенькому и принимает ментоловую пастилку из рук того, что повыше. Она зажата между ними, вдыхает пары алкоголя и сигаретный дым.

– Это хороший клуб. Ты там была? – Тот парень, что заговорил с ней первым, наклоняется и энергично трясет ее руку.

– Нет, – отвечает она, а когда он объясняет таксисту, куда ехать, откидывается на спинку сиденья и ждет, чем все это для нее закончится.

Ну давай еще по одной! Брось! Вечер ведь только начинается. – Эмиль хлопает его по плечу.

– У меня не то настроение.

– У тебя ведь было отличное настроение. Брось! Поедем к Пьеру. Он говорил, к нему собирается целая толпа народу. Тусняк!

– Спасибо, Эмиль. Но я, пожалуй, допью свое пиво и пойду. Завтра же на работу. Сам знаешь.

Эмиль пожимает плечами, прикладывает к бутылке и снова поворачивается к рыжеволосой девице, с которой до этого болтал.

Что ж, это должно было случиться. Фабьен наблюдает за Эмилем, тот весело смеется вместе с этой своей рыженькой. Он уже давно по ней сохнет, но сомневается в ее ответных чувствах. И тем не менее Эмиль вовсе не чувствует себя несчастным. А весело скачет по жизни, точно щенок. *Эй! Давай повеселимся!*

Не смей на него наезжать, одергивает себя Фабьен. Все лучше, чем быть таким лузером, как я.

При мысли о том, что ждет его дальше, Фабьена вдруг охватывает тихий ужас. Томительные вечера в пустой квартире. Потерявшее всякий смысл продолжение работы над книгой. Разочарование из-за исчезновения Нелл. Бесконечное самоедство из-за пустых надежд, что это могло бы перерасти в нечто большее. Фабьен ни в чем не винит Нелл, ведь он как последний кретин даже не удосужился поинтересоваться, есть ли у нее парень. Хотя такие девушки, как она, само собой, не бывают одинокими.

Настроение у Фабьена становится совсем паршивым, и он понимает, что пора домой. К чему нагонять тоску на других? Он хлопает Эмиля по плечу, кивает на прощание остальным и натягивает шапку на уши. На улице он садится на мопед, мучаясь сомнениями, стоит ли управлять транспортным средством после столь обильных возлияний.

Однако он заводит мопед и выезжает на дорогу.

Фабьен останавливается в конце улицы застегнуть куртку и слышит, как ему вслед громко свистит Эмиль. Он оборачивается.

Эмиль на улице возле кучки гуляк. И усиленно машет Фабьену, призывая вернуться.

Фабьен вдруг узнает характерный наклон ее головы, странную манеру стоять, чуть приподняв пятку одной ноги. На раздумья у него уходит не больше секунды. А затем он, широко улыбаясь, разворачивается и едет к ней.

Полтретьего утра. Фабьен выпил столько, что зараз перевыполнил месячную норму. И от смеха у него уже буквально болят бока. В «Уайлдкэт» море народу. Звучит одна из самых любимых мелодий Фабьена. Он так часто включал ее у себя в ресторане во время уборки, что хозяину пришлось наложить на это запрет. Эмиль, настроившийся на волну сумасшедшей вечеринки, вскакивает на барную стойку и под приветственные крики толпы внизу начинает танцевать, тыча пальцем себе в грудь и широко улыбаясь.

Нелл постоянно касается Фабьена рукой, и он накрывает ее ладонь своей ладонью. Она смеется, мокрые пряди волос прилипли к лицу. Она где-то бросила пальто, и теперь Фабьен опасается, что потом его не найдет. Они танцуют уже много часов.

Рыжеволосая подружка Эмиля забирается к нему на барную стойку, ей помогает лес услужливых рук. И вот, прикладываясь к бутылке пива, они уже вместе раскачиваются

из стороны в сторону. Бармен отходит подальше и наблюдает. Барная стойка в «Уайлдкэт» не в первый и наверняка не в последний раз становится танцполом.

Нелл пытается что-то сказать Фабьену.

Он наклоняется, чтобы лучше слышать.

– Я еще никогда в жизни не танцевала на барной стойке, – говорит она.

– Да неужели? Тогда вперед! – отвечает он.

Нелл смеется, качает головой, а Фабьен заглядывает ей в глаза. И она вдруг решается. Кладет руку ему на плечо, он помогает ей взобраться, и вот она уже упоенно танцует на барной стойке. Эмиль салютует бутылкой, и Нелл ловит ритм, волосы разметались вокруг лица, глаза закрыты. Она утирает пот со лба и прихлебывает пиво. А тем временем к ним присоединяются еще двое, потом трое танцоров.

Фабьен не поддается искушению. Ему просто хочется быть частью толпы, ощущать вибрацию музыки, смотреть на Нелл и радоваться, что ей весело.

А потом она открывает глаза и ищет его лицо в море человеческих лиц. Находит, улыбается, и Фабьен вдруг понимает, что снова начинает чувствовать нечто давным-давно забытое.

Он счастлив.

Они идут, взявшись за руки, по безлюдным улицам, мимо картинных галерей и огромных старинных зданий. На часах без четверти четыре. У нее болят ноги, в ушах звенит, но она совершенно не чувствует усталости.

Когда они покинули «Уайлдкэт», то едва стояли на ногах – пьяные от жизни, от безумной ночи, от пива и текилы, – но за последние полчаса Нелл каким-то чудом успела протрезветь.

– Нелл, я понятия не имею, куда мы идем.

Однако Нелл наплевать. Она может идти вот так хоть целую вечность.

– Я не могу вернуться в отель. Пит, вполне возможно, еще там.

Он шутливо пихает ее в бок:

– Ты жила в одном номере с этой ужасной американкой. По сравнению с ней он еще не самый плохой вариант.

– Ну нет, предпочитаю американку. Несмотря на ее жуткий храп.

Нелл рассказала Фабьену свою историю. После чего тому явно захотелось как следует врезать Питу. И Нелл, к своему стыду, вдруг поняла, что ей это даже приятно.

– Знаешь, мне немного жаль Пита, – говорит Фабьен. – Он проделал такой путь до Парижа, чтобы найти тебя, а ты убежала с каким-то французом.

Нелл ухмыляется:

– А вот меня совесть вообще не мучает. Ужасно, да?

– Ты определенно бессердечная женщина.

Она еще сильнее прижимается к нему:

– Просто отвратительная.

Он обнимает Нелл за плечи. В результате она все-таки потеряла в клубе пальто, и теперь на ней куртка Фабьена. Он заверил ее, что ему не холодно. Нелл тоже не холодно, но ей нравится идти в его куртке.

– Знаешь, Нелл, если хочешь, можешь остаться у меня.

И она снова слышит голос матери. *Ты идешь в дом к незнакомому мужчине? В Париже?*

– Было бы здорово. Но учти, я не собираюсь с тобой спать.

Ее слова повисают в ночном воздухе.

– Я страшно разочарован, Нелл из Англии, но я понимаю. Ведь святая обязанность бессердечных женщин – разбивать мечты и надежды мужчин.

Он забавно опускает вниз уголки рта. И ей кажется, что такое выражение лица свойственно исключительно французам.

– А где находится твоя квартира?

– Студия. Не слишком элегантная, в отличие от твоего отеля. Может, минут десять ходьбы.

Она понятия не имеет, что будет дальше. И это потрясающе.

Фабьен живет на верхнем этаже дома с узким фасадом и внутренним двориком. Лестница отделана кремовым камнем и пахнет старым деревом и мастикой. Они поднимаются молча. Он успел предупредить ее, что в соседних квартирах живут пожилые дамы. И если он будет шуметь после десяти вечера, то рано утром они заявятся к нему с претензиями. Хотя в принципе он не против такой постановки дела, говорит он. Его квартира совсем дешевая, потому что хозяину лень делать ремонт. Сандрин ненавидела ее, добавляет Фабьен.

Когда они наконец добираются до последнего этажа, Нелл собирает всю свою волю в кулак. Триш однажды встречалась с мужчиной, а оказавшись у него дома, обнаружила, что там все

полки заставлены книгами о маньяках.

Фабьен открывает дверь и приглашает Нелл войти. Она останавливается на пороге и смотрит во все глаза.

Квартира Фабьена – это одна большая комната с одним большим окном с видом на крыши. Письменный стол завален листами бумаги. В углу диван-кровать, напротив – большое зеркало. Пол деревянный. Когда-то явно крашенный, но сейчас вытертый и непонятно какого цвета. В конце комнаты – широкая кровать, возле стены – маленький диванчик. Одна стена украшена картинками из журналов.

– Ой! – проследив направление ее взгляда, говорит он. – Я сделал это, будучи студентом. И если честно, мне просто лень отдира́ть картинки.

Все здесь – письменный стол, стулья, картинки – непривычное и интригующее. Нелл обходит комнату, смотрит на чучело вороны на полке, на кустарный светильник, свисающий с потолка, на коллекцию камешков возле двери в ванную. Телевизор – крохотный ящик, на вид двадцатилетней давности. На каминной доске шесть стаканов и стопка тарелок.

Он растерянно проводит рукой по волосам:

– Жуткий бардак. Я не ждал...

– Нет, тут очень красиво. Тут... волшебю.

– Волшебю?

– Мне просто... очень нравится. Как ты соединяешь вещи. Здесь все словно имеет свою историю.

Он удивленно моргает, будто увидев свою квартиру другими глазами.

– Прошу прощения. Я на секундочку, – говорит он. – Мне только надо... – Он показывает на дверь в ванную.

Возможно, это даже хорошо. Нелл чувствует себя раскованной и безрассудной, ее словно подменили. Она стягивает куртку Фабьена, одергивает платье, медленно обходит комнату и смотрит в окно. Крыши Парижа, темные и залитые лунным светом, таят в себе обещание.

Она переводит взгляд на ворох рукописных страниц. Некоторые почему-то испачканы, со следами грязных подошв. Она берет страницу и начинает выискивать знакомые слова.

Когда он выходит из ванной, у нее в руках уже четыре страницы и она перебирает всю кипу в поисках пятой.

– Почитай мне, но только сразу переводи, – просит она.

– Нет. Это никуда не годится. Я не хочу читать...

– Ну хотя бы вон те странички. Пожалуйста. Чтобы я потом могла сказать: «Когда я была в Париже, самый настоящий писатель читал мне отрывки из своей книги». Это будет частью моего парижского приключения.

Он явно не в силах ей отказать. Тем более что у нее такое умоляющее лицо.

– Я еще никому не показывал своей книги.

Она призывно хлопает по дивану рядом с собой:

– Тогда, может, пора это сделать.

И вот некоторое время спустя он роняет двенадцатую страницу на пол.

– Не останавливайся.

– Не хватает страниц. Да и вообще, я уже говорил, что это никуда не годится.

– Но ты не должен останавливаться. Тебе надо восстановить потерянное и отправить книгу издателю. Книга реально хорошая. Ты непременно должен стать писателем. Ты и есть писатель. Только пока пишу́щий в стол. – (Он качает головой.) – Да-да, так оно и есть. Это... это чудесно. По-моему... ты замечательно описываешь свою героиню. Ее чувства, ее взгляд на вещи. Я узнаю

в ней себя. Она...

Он удивленно смотрит на Нелл. А Нелл, сама себе удивляясь, наклоняется к нему, сжимает его лицо в ладонях и целует. Она в Париже, в квартире незнакомого мужчины, и это, наверное, самый разумный поступок за всю ее жизнь. Она вдруг оказывается в его объятиях и чувствует, как он притягивает ее к себе.

– Нелл... ты прекрасна.

– Твои слова звучат невероятно красиво, потому что это французский. Возможно, я теперь тоже буду говорить с французским акцентом.

Он наливает им по стакану вина, и они просто сидят на маленьком диванчике, тесно прижавшись и соприкасаясь коленями, смотрят друг другу в глаза и улыбаются. А еще разговаривают о работе и родителях. Фабьен признается Нелл, что сегодня вечером она помогла ему освободиться от Сандрин. Нелл рассказывает о Пите и невольно хихикает, мысленно рисуя себе, как он подходит к номеру и, не дождавшись ее, возвращается в холл. А потом они уже оба дружно смеются, представляя, как в номере неожиданно появляется та мерзкая американка и застаёт там беднягу Пита.

В какой-то момент она выходит в ванную и смотрит на себя в зеркало. Лицо серое от усталости, на голове тихий ужас, косметика размазана вокруг глаз. И тем не менее она словно светится. Она буквально брызжет радостью и озорством.

Когда Нелл возвращается, он рассматривает ее записную книжку.

Нелл застывает на месте:

– Что ты делаешь?!

– А это что такое? – Он показывает ей лист, где написано: «Почему я правильно сделала, что осталась в номере». – Я что, убийца с топором? И я что, могу потребовать секса? – Он громко смеется, но вид у него смущенный.

– Боже мой! Я писала для себя. Где ты это взял? – Она краснеет до корней волос.

– Да вот, выпало из твоей сумки. И я всего-навсего хотел положить твою записную книжку обратно. «Мне придется притворяться импульсивной». – Он удивленно поднимает на Нелл глаза.

Нелл чувствует себя совершенно уничтоженной.

– Ладно. Я не та, за кого ты меня принимаешь. По крайней мере, раньше я была другой. И я вовсе не импульсивная. И я чуть было не отказалась от идеи приехать в клуб, потому что до смерти боюсь таксистов. Просто я позволила тебе считать, что я не такая, какая есть. Мне... очень жаль.

Фабьен внимательно изучает составленный Нелл список, а затем бросает на нее смеющийся взгляд:

– А с чего ты взяла, что ты не та, за кого я тебя принимаю? – (Она ждет.) – Может, кто-то другой танцевал на барной стойке? Или преследовал меня на такси в компании незнакомых нетрезвых мужчин? Или оставил своего парня одного в номере отеля, не потрудившись даже сказать «до свидания»?

Он протягивает Нелл руку. И Нелл позволяет снова себя обнять. Садится к нему на колени и внимательно изучает его симпатичное, добродушное лицо.

– Нет, ты именно такая, Нелл из Англии. Ты такая, какой захочешь быть.

А за окном тем временем постепенно светает. У Нелл кружится голова от вина и усталости. Они снова целуются. Поцелуй длится целую вечность, Нелл и сама теперь точно не знает. Похоже, она так и не протрезвела. Она сидит, прижавшись губами к губам Фабьена, и обводит кончиком пальца черты его милого лица.

– Это была лучшая ночь в моей жизни, – тихо произносит она. – Мне кажется... будто я наконец проснулась.

– Мне тоже.

Они снова целуются.

– Но я думаю, что сейчас нам пора остановиться, – говорит он. – Я стараюсь быть джентльменом. И помню, что ты мне говорила. Поэтому вовсе не хочу, чтобы ты считала меня убийцей с топором или сексуальным маньяком. Или... кем-то там еще.

Нелл берет его за руку.

– Слишком поздно, – бросает она и силком поднимает Фабьена с дивана.

Фабьен просыпается и, не успев толком разлепить глаза, понимает: что-то изменилось. Что-то сдвинулось в мертвой точке, и он больше не ощущает привычной тяжести, с самого утра давящей ему на плечи. Он удивленно моргает, чувствуя странную сухость во рту, и приподнимается на локте. В комнате вроде все по-прежнему. Похоже, он вчера здорово перебрал. Он пытается разогнать туман в голове и неожиданно слышит шум воды в ванной.

И тогда перед его мысленным взором начинает оживать картина прошлой ночи.

Он откидывается на подушку, пытаясь восстановить ход событий. Вспоминает девушку, танцующую на барной стойке, ночную прогулку по Парижу и то, как встречал рассвет в ее объятиях. Вспоминает смех и ее записную книжку с нелепым списком, чарующую улыбку, сплетенные тела.

Фабьен тотчас же вскакивает с постели, чтобы натянуть джинсы и первый попавшийся под руку свитер. Заправляет кофемашину и стремглав бежит в булочную за круассанами. Возвращается к себе и видит, как она выходит из ванной. На ней вчерашнее зеленое платье, мокрые волосы рассыпались по плечам. И оба на секунду замирают.

– Доброе утро.

– Доброе утро.

Она наблюдает за ним, ожидая увидеть его реакцию. Он улыбается, и ее лицо сразу расцветает в ответной улыбке.

– Мне пора возвращаться в отель и ехать на вокзал. Уже... довольно поздно.

Он смотрит на часы:

– Да, ты права. А мне надо на работу. Но у тебя ведь найдется минуточка выпить кофе?

Я принес круассаны. Ты не можешь уехать из Парижа, не выпив кофе с круассанами.

– Ладно, на это время точно найдется, если я тебя, конечно, не задерживаю.

Теперь, когда рассеялся дурман прошлой ночи, они чувствуют некоторую неловкость. Они садятся рядышком на накрытую покрывалом кровать, достаточно близко друг к другу, чтобы показать взаимную симпатию, но без намека на нечто большее. Нелл делает глоток кофе и закрывает глаза.

– Как вкусно, – говорит она.

– Сегодня утром мне все почему-то кажется особенно вкусным, – отвечает он.

Он жадно ест, поскольку чувствует себя голодным как волк, но, заметив, что увлекся, останавливается и предлагает Нелл еще круассан, от которого она отказывается. За окном звонят церковные колокола и звонко лает чья-то собачонка.

– Я вот тут подумал, – с набитым ртом говорит Фабьен. – У меня есть идея для новой книги.

Она будет о девушке, которая составляла списки на все случаи жизни.

– Ох, я бы на твоём месте не стала об этом писать, – лукаво смотрит на него Нелл. – Кто в это поверит?

– Отличная история. И девушка эта – потрясающая личность. Только у нее слишком тревожная психика. Ей непременно надо все взвешивать...

– Ну да. Все «за» и «против».

– Все «за» и «против». Отличное выражение.

– И что с ней случилось?

– Ну, я пока не знаю. С ней происходит нечто такое, что заставляет ее избавиться от прежних привычек.

– Блин! – восклицает Нелл.

Он ухмыляется, облизывает пальцы и говорит:

– Да, блин!

– Но тебе придется сделать ее настоящей красавицей.

– Мне вовсе не придется ничего делать, поскольку она и есть настоящая красавица.

– И очень сексапильной.

– Ну, для этого достаточно посмотреть, как она танцует на барной стойке.

Он наклоняется к ней, чтобы угостить кусочком круассана, и через секунду они уже целуются. Потом еще и еще. И неожиданно забывают и о круассанах, и о работе, и о поезде до Лондона.

Некоторое время спустя Фабьен высаживает ее у отеля неподалеку от улицы Риволи. Сегодня воскресенье, пробок на дорогах нет. Редкие туристы фотографируют исторические здания. Фабьен уже прилично опаздывает на работу, но в ресторане пока немного клиентов, разве что постоянные посетители, которые приходят посидеть в компании своей собаки за газетой, или приезжие, которым надо убить время до поезда. Хотя чуть позже, часам к четырем, ресторан уже будет набит под завязку.

Фабьен чувствует, что Нелл у него за спиной разжала руки. Она слезает с мопеда, снимает шлем и протягивает Фабьену. Затем возвращает ему куртку, оставшись в измятом зеленом платье.

Она выглядит усталой и какой-то неприбранной, и ему ужасно хочется ее обнять.

– А ты не замерзнешь без пальто? – спрашивает он.

Она задумчиво склоняет голову набок:

– Как ни странно, но в Париже я стала морозоустойчивой.

– Ты точно не хочешь, чтобы я проводил тебя на вокзал? Уверена, что сама доберешься? Не забыла, что я говорил насчет метро?

– Ладно, ты и так здорово опаздываешь. Я сама отлично разберусь.

Они не сводят друг с друга глаз. Она неловко переминается с ноги на ногу, теребя сумку. Фабьен растерян и не знает, что еще можно сказать. Он снимает шлем и задумчиво чешет голову.

– Итак... – произносит Нелл, – пожалуй, надо сходить в номер за чемоданом.

– А ты справишься? С этим своим Питом? Может, все-таки тебя проводить?

– Ой, да из-за *Пита* я меньше всего переживаю. – Она забавно морщит нос, и Фабьену хочется ее поцеловать.

И тогда он не выдерживает и говорит:

– Ну как, Нелл из Англии? Я... увижу тебя снова?

– Даже и не знаю, Фабьен из Парижа. Мы ведь практически незнакомы. А что, если у нас нет ничего общего? И вообще, мы ведь живем в разных странах.

– Что верно, то верно.

– А кроме того, у нас с тобой была идеальная ночь в Париже. И грех было бы ее испортить.

– И это тоже верно.

– Ты ведь у нас очень занятой парень. У тебя есть работа и книга, которую еще предстоит написать. Более того, ты просто обязан ее написать. И очень быстро. Мне не терпится узнать, что случилось с той девушкой.

Лицо Нелл как-то странно изменилось. Теперь она выглядит раскрепощенной, счастливой, уверенной. Неужели такая разительная перемена может произойти всего за двадцать четыре часа?! И почему у него язык вдруг словно присох к гортани? Фабьен уныло ковыряет носком ботинка тротуар. И как такое может быть, что человек, который, в общем-то, дружит со словами, сейчас не в состоянии подобрать ни одного подходящего?! Нелл оглядывается на дверь отеля.

– Кстати, эта твоя история... – неожиданно начинает она. – Я забыла спросить. А чем она

заканчивается?

Фабьен уже успел оседлать мопед. Он наклоняется вперед, практически ложась грудью на руль, и смотрит ей прямо в глаза:

– Не имею представления. – (Она удивленно приподнимает брови.) – Я понял, что самые интересные истории – это о людях, способных принять решение.

– Ладно, тогда давай посмотрим, какое решение приняла твоя девушка. – Нелл достает из сумки записную книжку и протягивает ему. – Вот. Для твоих изысканий. Она мне больше не понадобится.

Фабьен ошарашенно смотрит на записную книжку. На первой странице адрес и номер телефона. Он бережно засовывает книжку в карман куртки. Нелл наклоняется и, погладив его по щеке, еще раз целует в губы.

– Что ж... поглядим, что будет дальше, – говорит Фабьен.

– Ладно. Поживем – увидим.

Они пристально смотрят друг на друга, и Фабьен наконец, понимая, что пора расставаться, надевает шлем. Оглушительный рев мотора, быстрый взмах рукой – и вот уже Фабьен мчится в сторону улицы Риволи.

Нелл, продолжая улыбаться, входит в отель. Знакомая администраторша, как всегда, сидит за блестящей стойкой. И у Нелл невольно возникает вопрос: есть ли у этой женщины дом, или она всегда так и спит стоя, словно жираф? Нелл, по идее, должно быть неловко, что она без пальто и во вчерашнем платье, но, если честно, ей наплевать.

– Доброе утро, мадемуазель.

– Доброе утро.

– Полагаю, вы хорошо провели вечер?

– Чудесно! – отвечает Нелл. – Благодарю. Я даже и не предполагала, что Париж... такой веселый город.

Женщина одобрительно кивает и награждает Нелл едва заметной улыбкой:

– Счастлива слышать это, мадемуазель.

Нелл делает глубокий вдох и с тоской смотрит на лестницу. Похоже, сейчас ее ждет самое неприятное. То, чего она больше всего боялась. Как бы она ни храбрилась перед Фабьеном, ей ужасно не хочется выслушивать обвинения Пита и вступать с ним в перепалку. Более того, в глубине души Нелл страшно переживает за свой чемодан. А что, если Пит сделал с ним что-нибудь ужасное? Вообще-то, он не из тех мужчин, кто способен на мелкие пакости, хотя бог его знает. И поэтому Нелл продолжает стоять в холле, собираясь с духом, чтобы подняться в свой номер.

– Мадемуазель, я могу вам еще чем-то помочь?

Нелл поворачивает голову и улыбается:

– Спасибо, вы очень любезны. Но мне сейчас придется подняться наверх и... объясниться со своим другом. Он, должно быть, сердится на меня за то, что я не включила его в свои планы на вчерашний вечер.

– К сожалению, должна вам сообщить, что его здесь нет.

– Нет?!

– Правила отеля. Вы ушли, а я не имела права оставлять в номере постороннего человека. Ведь номер забронирован на ваше имя. Поэтому Луи пришлось попросить его удалиться.

– Луи?

Администраторша кивает в сторону портье, этакого здоровяка размером со шкаф, который везет тележку, нагруженную чемоданами. Услышав свое имя, он приветственно машет Нелл.

– Так, значит, моего друга нет в номере?

– Нет. Мы направили его в молодежный хостел. Правда, боюсь, он был не слишком доволен.

– Ой, ну надо же! – Нелл прикрывает рот рукой, едва сдерживая смех.

– Прошу прощения, мадемуазель, если это доставило вам проблемы. Однако его имени не было в информации о бронировании, и он приехал не с вами, и поэтому... раз уж вы ушли... Словом, это был вопрос безопасности. – Администраторша едва заметно улыбается. – Правила отеля.

– Правила отеля. Действительно. Очень важно соблюдать правила отеля, – говорит Нелл. – Что ж... э-э-э... большое вам спасибо.

– Ваш ключ. – Администраторша протягивает ей ключ от номера.

– Спасибо.

– Надеюсь, вы остались довольны своим пребыванием в Париже?

– Ох, более чем. – Нелл с трудом сдерживает порыв обнять эту замечательную женщину. – Еще раз огромное спасибо. Лучшего отеля, чем ваш, наверное, не бывает.

– Очень приятно слышать это, мадам, – отвечает администраторша и возвращается к своим бумагам.

Нелл медленно поднимается по лестнице. Она только что включила телефон, и теперь один за другим выскакивают все новые и новые сообщения, причем некоторые набраны прописными буквами и содержат кучу восклицательных знаков. Она бегло проглядывает их и сразу же стирает. Зачем портить себе настроение?!

Однако самая последняя эсмэска пришла уже в десять утра, от Магды.

Ты в порядке? Мы с нетерпением ждем новостей. Прошлой ночью Пит послал Триш крайне странное сообщение, и мы теряемся в догадках, что происходит.

Нелл, с ключом в руках, останавливается перед дверью номера сорок два и прислушивается к колокольному звону над Парижем, к звукам французской речи внизу, в холле. Вдыхает полной грудью аромат кофе, перебивающий запах мастики и ее несвежей одежды. Нелл стоит, погруженная в воспоминания, и счастливо улыбается. Немного подумав, она печатает текст:

У меня был улетный уик-энд. Лучший в жизни.